

INSPIRIA

Эмили Грей Тедроу

**ТАЛАНТ
ЛИВАЯ
МИСС
ФАР
УЭЛЛ**

INSPIRIA

Ток. Драматический саспенс

Эмили Тедроу

Талантливая мисс Фаруэлл

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Тедроу Э. Г.

Талантливая мисс Фаруэлл / Э. Г. Тедроу — «Эксмо»,
2020 — (Ток. Драматический саспенс)

ISBN 978-5-04-158186-2

Познакомьтесь с Бекки Фаруэлл, мошенницей, которую вы не скоро забудете. У мисс Фаруэлл много талантов. В школе обнаружился талант математический, и, будучи совсем юной, она поняла, что у нее есть дар отличать шедевры искусства от посредственных работ. А еще Бекки умна, обаятельна, настойчива и невероятно работоспособна. Одержимость картинами становится ее проклятием. Бекки живет двойной жизнью — в одной она скромный сотрудник мэрии небольшого городка с доступом к бюджету, в другой — преуспевающий коллекционер произведений искусства. Сделки становятся все крупнее, ставки — выше, а риски — безрассуднее. Одета в костюмы Ив-Сен Лорана и с бокалом лучшего шампанского, Бекки всегда находит себе оправдание, но чувствует вину. Как долго талантливая мисс Фаруэлл сможет вести двойную жизнь? «Эффектная мрачная комедия с множеством захватывающих фактов о мире искусства». — CrimeReads

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-158186-2

© Тедроу Э. Г., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эмили Грей Тедроу Талантливая мисс Фаруэлл

Посвящается Кортни

«Даже теперь, владея всем, о чем мечтала, она не чувствовала счастья.

Порою думала: должно быть, мир полон вещей еще более желанных; она просто пока не знает о них».

«The Custom of the Country», Эдит Уортон

Emily Gray Tedrowe
TALENTED MISS FARWELL

Emily Gray Tedrowe © 2020
Published by arrangement with Custom House, an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод *Татьяны Виноградовой*

© Виноградова Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Пирсон, Иллинойс 1979

– Папа, пора ехать!

Четырнадцатилетняя Бекки Фаруэлл нажала на клаксон. Раз, другой. Завела двигатель, повернула к себе зеркало заднего вида и придирчиво рассмотрела макияж: темно-зеленые тени над верхними ресницами, светлые возле бровей. Зеленые – потому что все журналы рекомендовали этот цвет рыжеватым блондинкам – таким, как она. Попробовать бы что-нибудь другое; она видела в продаже набор фиолетовых теней: три тона, от бледно-лилового до темного как баклажан. Бекки быстро подсчитала в уме, сколько ей должны четыре девочки, для которых она делала домашние задания по геометрии и алгебре; она разбиралась и в тригонометрии, хотя училась только в девятом. Но по тригонометрии она могла гарантировать лишь хорошую оценку, не отличную. Впрочем, никто из девочек не жаловался. Иногда вместо денег предлагали обувь – например почти новые кеды, которые на ней сейчас (на босу ногу – носки с кедами никто не носит). Бекки вернула зеркало в прежнее положение, раздался легкий щелчок. Увы, семье отчаянно нужны деньги; где уж тут мечтать о макияже.

«Куда ни кинь, всюду клин», – часто повторял отец; Бекки не совсем понимала смысл этих слов, но, черт возьми, весной им пришлось очень скверно.

Посидев минуту в кабине, она спрыгнула с высокой подножки и вошла в дом. Теплый весенний день, а окна еще не открыты; в комнатах первого этажа их сельского домика темно и душно. Бекки прошла на кухню, распахнула окно и подперла раму банкой с фасолью. В раковине молочно-белого цвета стояли грязные миски с остатками хлопьев. Все вокруг покрывал тонкий липкий слой жира и пыли, однако прибраться было некогда.

На ковре в углу гостиной выделялся темный квадрат – неделю назад тут стояла тумба с телевизором; отец заложил телевизор, а также все мамины украшения (то есть *думал*, что все: кое-что Бекки припрятала). Он не сказал, сколько ему дали в ломбарде, – считал это временными трудностями, но она видела квитанцию. Меньше сотни за все.

– Папа? – позвала Бекки снизу. Легко взбежала по лестнице, позвякивая браслетами на руке. – Нам надо... Ты что, даже душ еще не принял?

Большой и грузный, похожий на медведя, отец лежал в постели на боку, подтянув колени к подбородку. Лицо в поту, ко лбу прилипли пряди седых волос. Желудочный грипп. Как не вовремя: они ждали покупателя из Рокфорда, отец договорился встретиться с ним в полдень.

– Ты же сказал завести машину! Папа, мы уже...

Он застонал и закрыл глаза рукой.

– Так. Поедешь первой. Покажешь ему сеялку. Пневматическую сеялку «Лайт Трак», убедись, что это именно она. И распределители, даже если он будет говорить, что ему не...

– Я не могу... – Бекки испуганными глазами обвела комнату. – Как же я...

– ...ни «Масси», ни «Джон Дир» с ней не сравнятся. Можешь показать два «Викона», он интересовался. Но ты скажи, на них уже есть покупатель. Нам нужно продать сеялки. Я справлюсь за... час. Максимум. О боже! – Он вскочил с кровати и бросился в ванную, полы старого махрового халата распахнулись. Бекки тут же ретировалась.

Выехав на шоссе, Бекки включила радио. Она точно знала, когда на каком канале идет музыкальная программа. Часами могла слушать кантри; ради всего святого – почему бы им не поставить Кристал Гейл или Кенни Роджерса! Бекки крепко держала руль обеими руками и не сводила глаз с дороги, выдерживая скорость не более 45 миль в час, хотя их старый пикап вполне мог ехать быстрее. Никто на трассе не обращал внимания на школьницу за рулем, и

она знала, что делать, если ее остановят: нужно сразу заплакать, сказать, что ее парень напился в стельку, а она испугалась и поехала домой, клянусь-богом-я-никогда-больше-так-не-сделаю, офицер, обещаю.

– Штрафа не избежать, но хотя бы не арестуют, – сказал отец.

От фермы до выставочного зала – два съезда с шоссе, один круговой перекресток и четыре светофора, и на каждом из них она покрывалась потом от страха. Хуже всего оказался поворот налево с дорожки между павильонами. Вот там Бекки немного растерялась и секунд тридцать простояла с включенным поворотником. Однако все же взяла себя в руки и с полужакрытыми глазами проехала вниз по узкой усыпанной гравием дорожке. Слава тебе господи, удалось.

Перед их павильоном стоял чужой пикап. Черт, уже здесь... Бекки выскочила из машины и опустила задний борт – там лежали ящики, ими нужно подпереть двери салона; зараз Бекки могла унести всего два, так что ей пришлось вернуться за двумя другими.

У Трэскеров в Рокфорде был собственный магазин сельскохозяйственного оборудования; сюда они приезжали, чтобы взять товар по самой низкой цене, а затем продать его с наценкой – хотя прибыль была невелика.

«Стервятники, – добродушно говорил отец. – Стараются выжать все что можно».

Так поступали все. Несколько лет назад он сам скупил остатки товара у Минтера, когда тот еще арендовал место в соседнем павильоне.

«Цена вырастет, – говорил он Бекки, – летом».

До этого говорил – весной. А потом скажет – осенью.

Из машины не торопясь вышли двое мужчин. Похоже, отец и сын.

– Добрый день, – пропела им Бекки.

Она никогда раньше не открывала салон самостоятельно, хотя много раз помогала отцу. Распахнула двери, подперла их, подбежала к щитку и включила освещение в кабинете и той половине, где по диагонали стояли в несколько рядов сеялки, косилки и другая техника.

– Я сделаю кофе! – крикнула она и прошла в неосвещенную часть салона. – Или могу предложить газировку. Папа будет с минуты на минуту.

А сын симпатичный... Бекки сняла хлопковый пуловер и проверила, не остались ли на майке потные пятна. Конечно, лучше было бы посидеть в кабинете, в освещенной застекленной комнатке, где хранятся счета и всюду разложены каталоги – на столе, на стульях, на металлических стеллажах. Но вместо этого она рассматривала гостей; любовалась кудряшками, торчащими из-под кепки сына, чистой кожей его лица и как он засунул большие пальцы в задние карманы. Взъерошила челку, задумалась, что бы сказать ему такого умного... и чуть не подпрыгнула, когда рядом с ней вдруг возник пожилой мужчина.

– Вот ты где, – тихо произнес он. Короткая крепкая шея, лысая голова, совершенно круглая.

От него пахло мятным жевательным табаком.

– Папа просил, э-э... показать вам распределители. То есть сеялки. Они там...

– Да, покажи. – Мужчина схватил ее за локоть и притянул к себе; Бекки недоуменно хмыкнула. – Тс-с-с, – прошипел он, глянул по сторонам – они стояли в темном проходе у стены – и тут же быстро, грубо ошупал ей грудь и задницу. – Не глупи, малышка.

Бекки побоялась вскрикнуть – сын может увидеть их или услышать (если она «сглотит»). Через минуту мужчина отстранился, дружелюбно хлопнул ее по спине, шагнул за угол и крикнул сыну:

– Это единственный культиватор или у них есть что-нибудь получше?

Позже, когда приехал отец и отвел покупателей в кабинет, Бекки принялась наблюдать за ними через стекло. Сын уселся на стул, не дожидаясь, пока сядет хозяин. Папа вел себя как-

то чересчур жизнерадостно, размахивал руками, а старший Трэскер скрестил руки на груди и равнодушно смотрел на него. Бекки отвернулась.

Она долго сидела на штабеле деревянных поддонов, сдирала корочку с ранки на щиколотке. Под пыльными стропилами медленно вращался старый скрипучий вентилятор.

– Бек? Эй, Бек? – позвал отец, высунувшись из двери офиса. Он не видел ее. – Принеси нам две газировки!

Бекки медленно пошла вглубь салона и вернулась с двумя холодными банками «Доктор Пеппер». В темноте открыла одну из них. А потом покашляла, собирая во рту мокроту из носа и горла, и сплюнула скользкий комок в открытую банку.

С ослепительной улыбкой вошла в кабинет. Как же она все-таки любит отца; слава богу, он много чего не знает.

На следующее утро Бекки проснулась рано. Долго глядела в потолок. В голове вертелась мысль: мы на грани краха. Папа не отдает себе отчете, насколько плохи дела на самом деле, и не стоит давить на него, он просто не хочет ее волновать. Может, все шло бы иначе, если бы не умерла мама – рак груди дал метастазы по всему телу. Бекки тогда только-только исполнилось шесть. Может быть, мама сразу оценила бы ситуацию и прямо сказала: «Хэнк, нам нужно сделать то-то и то-то». Отцу было бы с кем поделиться и посоветоваться.

Хотя, слава богу, он не женился ни на одной из своих подружек, кого иногда приглашал на ужин в «Черную сову» и затем провожал домой, задерживаясь в гостях на несколько часов. Не хватало еще, чтобы вторая жена устраивала истерики, когда им отключали электричество или звонили из банка с напоминанием о задолженности. Когда становилось явным то, чего они старались не замечать: бизнес отца погибает, все катится в тартарары.

Бекки сбросила одеяло. Ночью ей стало плохо; она изо всех сил уговаривала себя: «Все в порядке», но горячая тошнотворная боль внизу живота нарастала. Бекки натянула толстовку на ночную рубашку и вышла за дверь, в предраассветный холод, глубоко вдыхая свежий воздух. Угасающая луна, как кусочек лимона, низко висела над кустами конского каштана, отделявшими их участок от соседского; раньше там жили Хинманы.

Холодно, зато, по крайней мере, меньше тошнит. Бекки нашла на заваленном обувью крыльце пару старых резиновых сапог, сунула в них ноги и стала ходить кругами по довольно грязному двору. По трассе шли машины. Одинокая ворона каркала то прямо над головой, то снова откуда-то издалека.

Бекки подумала: если они потеряют дом, то, наверное, будут снимать квартиру в городе. Может быть, в Роуз-Сьютс, недалеко от шоссе; интересно, сколько стоит долгосрочная аренда? В конце концов, отец может устроиться продавцом-консультантом в чей-нибудь магазин. А ей придется бросить школу и работать официанткой. Она с отвращением представила себе, как отец станет успокаивать ее: «Это ненадолго. Осенью дела пойдут лучше». И будет проходить осень за осенью, год за годом... она так и состарится в какой-нибудь закуской; у нее будут тусклые глаза, вечно недовольное лицо и варикозное расширение вен.

Бекки замерзла, однако возвращаться в дом не хотелось, и она зашла в амбар, сразу наткнувшись на несколько коробок – запчастей для сеялок; забыли убрать после разгрузки. Открыла раздвижную дверь, пнула коробки, уселась на них. Только папа знал, где что лежит, у него была своя система. Бекки схватилась за живот и скрючилась, пережидая приступ тошноты. Наверняка она тоже подхватила проклятый грипп.

Этот лысый боров! Как он посмел лапать ее? Прямо в папином салоне! Сжечь бы к чертям весь торговый салон, вместе с тракторами, комбайнами, кабинетом и всем остальным. Запереть там этого жирного козла – и сжечь.

И тут ее озарило. А что, неплохая идея... и за ней последовала цепочка других идей, благодаря которым полностью изменилась их жизнь. Ее жизнь. И всего за год.

Идея состояла в том... *Пожалуйста, подождите!* – умоляла она неизвестно кого. – *Еще минутку без тошноты, мне нужно подумать!*

Встала и обошла амбар по периметру, осмотрела его – куча свободного места, крепкие балки. Вдохнула теплый знакомый запах дерева.

Зачем нам салон?

Бекки все же вырвало; на резиновых сапогах остались брызги. И продолжало рвать, когда она уже вернулась в дом – раз десять за утро, не меньше. Между приступами тошноты она не просто лежала в постели. Взяла блокнот и ручку и начала изучать все финансовые документы, которые смогла найти дома. Вечером отец, сбитый с толку ее телефонными звонками, принес домой еще несколько папок. К тому времени Бекки столько раз уже все пересчитала, что дрожала от волнения, объясняя свой план отцу.

«Откажемся от торгового зала, сэкономим четырнадцать тысяч годовой арендной платы. Освободим амбар – он и будет нашим салоном. Дополнительная экономия: бензин, электричество, отопление, охрана. Склад сократим наполовину, только нужно сохранить оптовых клиентов. И не нанимать бухгалтера – я сама буду вести учет. Как тебе такой слоган: «ДЕЛИМСЯ ЭКОНОМИЕЙ!»?»

Хэнк Фаруэлл сказал дочери: «Бекки, малышка, у тебя грипп, возьми банку имбирного эля и ляг в постель», но засиделся допоздна, изучая ее записи.

План реализовали в течение полугода, и осенью весь Пирсон говорил о чудесном воскрешении из мертвых сельскохозяйственного предприятия «Ферма Фаруэлл». То есть один из Фаруэллов (конечно, они имели в виду Хэнка) проявил смелость, сообразительность и буквально возродил семейный бизнес.

Бекки всем руководила. Навела порядок в амбаре, организовала установку указателя «Фаруэлл. Сельскохозяйственное оборудование», чтобы было видно, где нужно свернуть с шоссе. В июне устроила лимонадную вечеринку «Благодарим за сотрудничество», на которой они разыграли в качестве приза последний трактор «Джон Дир» и предложили 25 %-ную скидку на новые долгосрочные заказы. Она начала изучать бухгалтерский учет, ездила на однодневную конференцию по малому бизнесу в Рокфорде. Организаторы слишком поздно поняли, что зарегистрировали для участия в конференции десятиклассницу. К зиме Бекки принимала все звонки от клиентов и обрабатывала заказы, часто объединяя поставки и предлагая скидки, от которых невозможно отказаться. Хэнк занимался тем, что у него получалось лучше всего: в подробностях описывал и показывал товар прижимистым местным фермерам.

Однажды зимним вечером в воскресенье Фаруэллы устроили у себя дома небольшое собрание. Местный «Ротари» (клуб успешных бизнесменов) после долгих лет пренебрежительного отношения к Хэнку снова принял его в свои ряды после того, как годовой оборот его бизнеса возрос до ста восьмидесяти тысяч. Теперь Хэнку звонили за неделю вперед, причем по несколько раз, чтобы убедиться – он будет на следующем собрании.

В пирсонском отделении «Ротари» состояли в основном те, кто занимался агробизнесом. Традиционно раз в два месяца собирались у кого-нибудь дома, по очереди, обычно в выходные после обеда. Предлагалась тема для обсуждения – например цена семян в районе Рок-Ривер, однако двухчасовые посиделки заполнялись большей частью сплетнями (кто где просчитался), политикой (Рейган, субсидии) и грубоватыми шутками. А как еще развлекаться трудягам-фермерам после рабочей недели?

В то воскресенье, когда Хэнк впервые устраивал у себя такой вечер, к ним пришло много гостей. Ветер трепал установленный на участке новенький баннер: «ДЕЛИМСЯ ЭКОНОМИЕЙ!». Возле амбара колыями было размечено место, где собирались делать пристройку для небольших ручных инструментов. Зима выдалась холодная, но сухая; немного снега следело с ботинок, когда мужчины по привычке топали ногами на крыльце, перед тем как войти

в уютную гостиную Хэнка, с новым телевизором и новыми окнами: двойные рамы с теплоизоляцией.

По негласному обычаю, хозяйка дома должна подать кофе и сладости (чаще всего ореховый пирог) – и тут же уйти. Бекки внесла поднос, мужчины замолкли.

Позднее она неизменно участвовала во всех деловых встречах и клубных мероприятиях, связанных с агробизнесом в округе, к ее присутствию привыкли.

Однако в тот первый вечер у Фаруэлла мужчины очень удивились: Бекки поставила поднос, взяла себе стул и села вместе со всеми. Они взглянули на Хэнка – тот вел себя так, словно в этом не было ничего странного.

Бекки приветливо посмотрела на гостей, улыбнулась и сказала:

– Мы рады вас видеть. Давайте начнем?

Глава 2

Пирсон, Иллинойс 1981

Пирсон, штат Иллинойс, – небольшой городок на Среднем Западе примерно в трех часах езды от Чикаго. Река Рок делит город на две части; шириной он меньше мили. Основное сооружение – низконапорная плотина; вода поднимается по ступенькам, пенится, падая с высоты, и течет дальше на запад, минуя два моста Пирсона: Галена и Соук. Как и большинство городов на реке в этом районе, он был назван в честь одного из первых европейских поселенцев, который в XIX веке построил здесь паромную переправу и начал зарабатывать на торговцах и путешественниках. И, как многие другие городки Иллинойса, Пирсон претендовал на то, что его история имеет отношение к Аврааму Линкольну – он руководил военными действиями в этом районе во время войны Черного Ястреба¹. На южной набережной стоит бронзовая статуя Линкольна: первый президент обзревает фасады обращенных к реке зданий – солярий, Торговая палата, бар «Пикадилло». Краеведческий музей в здании бывшей средней школы ограничивался лишь упоминанием о Линкольне, зато располагал подробными материалами о драматическом инциденте под названием «Пирсонская авария».

В седьмом классе Бекки писала сочинение на тему Пирсонской аварии. В 1806 году паром врезался в берег, и несколько человек утонуло. Она изложила события от лица хромого хозяина салуна: он не мог никому помочь, стоял на берегу, опираясь на палку, и только смотрел. На его глазах погибали люди, и он ненавидел себя за то, что не в состоянии помочь. Наблюдал – вместо того, чтобы действовать, а это не по-мужски. Видел все с самого начала, с первого легкого толчка: как руки мужчин метнулись к шляпам, как люди падали за борт, как кричали женщины, ржали лошади... и как потом вытаскивали на берег тела.

Учительница Бекки, миссис Нэгл, задержала ее после звонка. Написала на первой странице сочинения: «Незачет».

– Кто этот человек? – спросила она.

– Не знаю. Никто не знает. – Бекки была недовольна: что, придется писать заново?

– Ты пользовалась какими-то источниками? – Миссис Нэгл имела в виду бесконечные ленты микрофильмов местной библиотеки.

– Нет, – призналась Бекки.

Миссис Нэгл пролиставала сочинение, то и дело указывая ручкой на выражения вроде «воспоминания мистера Сэма Смита об этом ужасном дне». Затем написала на титульном листе два слова: «ВЫМЫСЕЛ» и «ФАКТЫ».

– Ты написала вот что. – Она ткнула в первое слово. – А задание было таким. – Ткнула во второе.

Бекки переписала сочинение и больше никогда не выходила за рамки. Вообще-то она удивилась, что миссис Нэгл нашла время высказать ей свои сомнения – обычно за сочинения Бекки получала «пятерки» и «четверки», о чем бы ни писала, и никто ничего не комментировал. В школе, которую половина учеников не оканчивает и где нет возможности вести отдельные классы для одаренных детей, отличная успеваемость означала только то, что до тебя никому нет дела.

Лишь мисс Марнер, преподававшая математику в старших классах, всегда уделяла Бекки особое внимание. Высокая, худощавая – этакий надзиратель, Диана Марнер настаивала, чтобы

¹ Вооруженный конфликт между США и индейскими племенами в 1832 г. (здесь и далее прим. перев.).

ее звали не миссис, а мисс: «Повторяем за мной, всем классом: «Мззззззз Марнер»! Не так уж и трудно, правда?».

Мисс Марнер давала Бекки самые сложные тесты и не желала слушать никаких жалоб. Копировала на ротаторе дополнительные задания и требовала, чтобы Бекки сдавала их ей в течение двух дней. Настояла на том, чтобы она вступила в городской клуб математиков (Бекки была в нем единственной девушкой и единственной старшекласницей), выписывала для нее книги из библиотек других штатов и даже видеокассеты с материалом о теории происхождения чисел и о концепциях, лежащих в основе методов обработки больших массивов данных.

Бекки нравились задания, откопированные на ротаторе – каждое по-своему интересно, но она не могла понять, почему мисс Марнер так увлекается теорией, ведь это вряд ли пригодится в жизни. Бекки пользовалась математикой в прикладном плане – делать расчеты. Она представляла себе мысленно расположение цифр, соотношение величин и функций так же ясно, как если бы держала перед собой учебник. Даже мисс Марнер она не могла объяснить, что для нее это похоже на игру: цифры будто перекатываются в голове, щелк-щелк. Как цветные китайские шашки.

Однажды в субботний день мисс Марнер отвезла Бекки и двух мальчиков из ее класса в Пеорию (два часа езды в один конец) на олимпиаду штата по математике. Бегала по переполненному спортзалу, где разместили участников, наблюдала, как они справляются. Когда объявили, что Бекки заняла первое место, раздались жидкие вежливые аплодисменты. Которые тут же перекрыл неодобрительный гул и улюлюканье – какая-то пигалица выиграла олимпиаду! На обратном пути мисс Марнер явно была в настроении: включила кассетную магнитола, курила, а в придорожном кафе угостила их всех гамбургерами. Позже Бекки поняла, что учительница, скорее всего, сама все оплатила: их участие и саму поездку. Плюс гамбургеры.

Как-то мисс Марнер рано отпустила своих девятиклассников, попросила Бекки остаться и завела разговор, которого та всячески пыталась избежать: о колледже.

– Иллинойский технологический институт, вот о чем я думаю. Пожалуй, университет Чикаго – это нереально. Хотя можно проконсультироваться... – Она взглянула на Бекки поверх очков; та не ответила, и мисс Марнер продолжила: – Во всяком случае, в ИТИ есть подходящее отделение. Я немного знакома с одним профессором, когда-то давно мы общались; думаю, вполне уместно позвонить.

Бекки пожала плечами.

– Большое спасибо, но... Я много помогаю отцу. Я не могу.

– Ладно, может быть, год или два поживешь дома. А потом переедешь. Перед тобой откроются потрясающие возможности!

Бекки наклонилась к своему рюкзаку, делая вид, что возится с застежкой-молнией и ремнями. Что толку говорить о том, чего никогда не будет.

– Мне надо идти.

– Если дело в деньгах, то есть всякие стипендии, кредиты. Ты не первая, кому нужно...

Бекки почти выбежала из класса, даже не попрощалась. Весь их бизнес полностью зависел от нее, и как объяснить это мисс Марнер. Стоит только остановиться – они всего лишатся.

Когда Бекки пришла домой, отец сидел в своем любимом кресле и смотрел телевизор. Он ждал дочь и обрадовался ее приходу.

– Ты сегодня поздно.

– Да уж. – Бекки принялась разогревать ужин.

Вскоре после разговора с мисс Марнер Бекки перестала посещать математический кружок, избегала ее взгляда в классе, а если учительница пыталась поговорить с ней после уроков, бормотала извинения по поводу своей занятости. Ей действительно было некогда – они только

что влетели с неудачной поставкой, это обошлось в несколько тысяч, а их финансы... Нужно работать.

В июне, на выпускном вечере, мисс Марнер подошла к Бекки. Старшеклассники в пурпурных мантиях и их родители бродили по спортзалу и пили пунш.

– Я слышала, ты уже работаешь.

– Ничего особенного, – ответила Бекки. – В основном бумажная работа.

На самом деле ей очень нравилось работать в мэрии. Она и сама не знала, почему подала заявление именно туда, это был просто порыв. Убедила отца, что продолжит заниматься его бухгалтерией, только не стала говорить, что без ее зарплаты они пропадут.

– Это тебе. – Мисс Марнер вручила ей небольшую перевязанную лентой коробку. – Я скучаю по нашим занятиям. Заходи как-нибудь, если вдруг окажешься рядом.

Бекки захотелось сразу же открыть подарок, но она сдержалась.

– Спасибо, зайду.

– Ну что же, удачи тебе! Поздравляю.

Бекки поблагодарила ее и почти сразу после этого ушла.

Тем же вечером она достала из коробки «Книгу напутствий для выпускников» и довольно длинное письмо, напечатанное на машинке. Быстро просмотрела письмо, не очень вникая в содержание: мисс Марнер ценит ее как ученицу и как личность... рада ее достижениям. Вовсе не хотела давить и сожалеет, если обидела; просто Бекки напомнила ей себя в этом возрасте; возможно, осознание потенциала такой одаренной девушки заставило ее быть слишком настойчивой. И – всяческих успехов.

Бекки сложила письмо, сунула его в дурацкую подарочную книгу и запихнула в нижний ящик комода под стопку джинсов. И хранила много лет. Хотя прочла письмо один-единственный раз, в тот вечер после выпускного.

Глава 3

Пирсон

1983

Пятница после обеда – это почти суббота. Все начинают строить планы на выходные, заканчивать начатое и собираться домой. Бекки проводила сверку и неожиданно обнаружила несоответствие в расчетах с «Голден фьюэл энд ойл». Нужно разобраться.

Она единственная женщина в бухгалтерии и самый молодой сотрудник (ей было семнадцать, когда ее взяли на работу). Ладила со всеми и стремилась быть как все, не обнаруживая свой математический талант и умение считать в уме. Подмечала, что делают другие, и время от времени – когда вдруг прерывалось монотонное «щелк-щелк» машинки Фредди за столом напротив – тоже постукивала кончиком карандаша по кнопкам калькулятора.

Пятьсот сорок два доллара. Она сразу поняла, что эту сумму возвращать не нужно. Иногда бывало, что компания случайно переплачивала, но предпочитала ничего не исправлять, а в следующем месяце им возмещали. Бекки вписала эту сумму в бледно-зеленую контрольную ведомость с водяными знаками, их потом отдавали на утверждение в бухгалтерию; один из десятков платежей, которые они с Фредди обрабатывали каждый день.

На всякий случай Бекки просмотрела бухгалтерскую книгу «Голден» и сравнила ежемесячные платежи. У «Голден» долгосрочный контракт – школы и библиотека, а также местный банк и Исторический центр. Двойных платежей она не нашла. Откуда взялся чек на пятьсот сорок два доллара с пометкой «Выплачено городу Пирсон»?

Бекки взяла книгу, ведомость и направилась в бухгалтерию. Потопталась перед дверью своего босса Джима Францена. Дверь была плотно закрыта, что совершенно определенно означало: не входить. Кого еще можно спросить? Не Боба Пи, уж точно не Гарри – на прошлой неделе он потрогал полу ее пиджака и прошептал: зачем она носит свободную одежду, ей бы очень пошло облегающее платье... и, к сожалению, не милого седовласого мистера Каплана, который, по-видимому, сегодня ушел пораньше.

Обойдя весь этаж, Бекки решила заглянуть в комнату отдыха. Обшарпанная столешница, скрипучий холодильник, стойкий запах горелого кофе и салата с тунцом. С удивлением она увидела мистера Файна из отдела кадров, принимавшего ее на работу. Он сидел за единственным круглым столом, листая газету. Бекки на мгновение застыла – на прошлой неделе мистер Файн смотрел презентации сотрудников, и, похоже, ему не очень-то понравилась ее работа – и все же решилась:

– Добрый день, вы не могли бы мне помочь? Я не совсем понимаю, это долг или...

Она попыталась развернуть ведомость и найти нужную страницу в бухгалтерской книге. Мистер Файн нахмурился, сложил газету, поднял глаза. Бекки тоже посмотрела на него. Голова как луковица – выпуклая лысина, к ней прилипли прядки зачесанных сбоку бесцветных волос.

– Спросите вашего начальника.

– Я хотела, но он...

– Мисс Фаруэлл, у меня создалось впечатление, что вы достаточно взрослая, чтобы справляться со своими простыми обязанностями. Хотя вы и несовершеннолетняя. Дебет, кредит. Считаете разницу. Сводите баланс. Это сложно?

Бекки прижала к груди документы.

– Нет.

– Прекрасно.

Мистер Файн растянул губы в ледяной улыбке, и Бекки отступила. Уже у двери обернулась – Файн окликнул ее.

– Мисс Фаруэлл, хотите небольшой совет? Никто не любит примерных девочек. Вам следовало хорошенько подумать, прежде чем предлагать «Новый метод».

Бекки вздрогнула, услышав название своей неудавшейся презентации.

– Или вы считаете, что до вашего прихода никто и понятия не имел, как нужно работать?

– Благодарю за совет, мистер Файн. Вы совершенно правы.

В руках покалывало, но Бекки держала спину прямо и говорила ровным уверенным голосом. Она несколько лет отвечала на звонки поставщиков и знала, как нужно держаться, если дело принимало неприятный оборот.

Бекки медленно сложила ведомость, жестко улыбнулась Альберту Файну и еще несколько секунд разглядывала его. Костлявые руки, обручального кольца не видно. Вечером в пятницу – в комнате отдыха. Тщательное и безнадежное причесывание (а волос все меньше) ... Он почувствовал себя неловко, понимая, что Бекки все это отмечает. В ее улыбку потихоньку проникла жалость; она в упор смотрела на Файна, пока он не опустил взгляд. Затем резко повернулась и вышла.

Охваченная яростью, Бекки едва слышала, как Фредди и остальные начали прощаться: «До свидания, хороших выходных». Но, как обычно, привела в порядок свой стол, накрыла чехлом пишущую машинку, поставила книгу «Голден» на полку. И тайком засунула ведомость с чеком в нижний ящик стола, под запасной свитер.

На следующее утро Бекки проснулась еще до рассвета. Ее разбудила незатейливая песенка горлицы – четыре нотки, не больше. Стены спальни перекрасили в мягкий персиковый цвет, однако комната не очень изменилась. На полках стояли книги, как раньше куклы; блузки и юбки висели на грубых деревянных штырьках и все еще пахли теми духами, которыми она пользовалась в старших классах. Прямо перед окном рос тополь, и через щель в шторах было видно, как ветер колышет верхние ветки – сколько Бекки себя помнила, эта картина не менялась.

Неожиданно с лестницы раздался грохот. Бекки замерла, боясь пошевелиться. Услышав стон, выскочила из комнаты: отец лежал на боку, одна рука заломилась за спину, на другую он опирался и силился встать.

– Господи, папа. У меня чуть сердце не остановилось! – Она обхватила его за талию, помогла подняться. Присела рядом с ним на ступеньку. Отец тяжело дышал.

– Как ты? Ничего? – Она убрала ему волосы с лица. Хэнк виновато улыбнулся. Понимал, что напугал ее.

Все началось прошлой зимой; приступы случались все чаще и сначала вроде бы проходили бесследно, если не считать того, что он начал кое-что забывать и путать – положил ключи в посудомоечную машину, забыл, как зовут церковного пастора. Однако болезнь прогрессировала, отцу становилось хуже: отнялась правая рука, почти совсем пропала речь. Дома он чувствовал себя более-менее, но Бекки задавалась вопросом, сколько еще это продлится. И что потом. Представляла себе – а если бы он упал так в будний день, дома никого – лежал бы со сломанной ногой или спиной... Нужно что-то делать.

Они решили съездить в больницу в Шампейн-Урбана. Бекки записала отца на прием к 11 часам.

– Пусть назначат лечение. Перекусишь перед поездкой?

Прием оказался совершенно бесполезным. Еще один врач не сказал ничего определенного, уклончиво отвечая на ее вопросы. И Бекки впервые взяла в руки брошюру «Территориальные учреждения для долгосрочного ухода».

Поставив машину на стоянке кампуса Иллинойского университета, она отвела отца в парикмахерскую в вестибюле больницы – побриться и подстричься. Брошюру сложила пополам и засунула в сумочку. «Датсун» тарахтел на холостом ходу, охлаждая двигатель, а она сидела,

пытаясь представить себе будущее. Кое-какие активы у них имелись – можно было продать дом и бизнес, который неуклонно сокращался с тех пор, как отец заболел; на год или два этого хватило бы, чтобы поместить отца в одно из таких учреждений. Если бы хоть кто-нибудь из докторов прямо сказал, долго ли он проживет!

Бекки вышла из машины и принялась быстро ходить туда-сюда. Внутренний двор кампуса тянулся метров на триста от одного коричневого цементного здания до другого, мощеные дорожки перекрещивались, как кукурузный лабиринт, только без кукурузы. Замедлила шаг – пусть ее примут за студентку; жаль, что в руках нет учебников.

– Вот это да! Бекки Фаруэлл?

Бекки замерла. Ей приветливо улыбалась Сара Микинс, под руку с какой-то девушкой. Черт! Как же она не подумала, что обязательно наткнется здесь на кого-нибудь из знакомых? В университет Иллинойса поступили человек десять из Пирсона.

Сара начала рассказывать подруге о школьных успехах Бекки.

– Мы звали ее Малышка – помнишь, Бекки? Никто из девятиклассников, кроме нее, не справлялся с тригонометрией.

– Ты сюда перевелась? – спросила подруга Сары. Она понемногу отщипывала от кекса, завернутого в бумажную салфетку, и клала кусочки в рот.

– Нет, я...

– О, Бекки окопалась дома. – Сара повернулась к Бекки. – Мама говорила, ты работаешь в мэрии!

– Я пока думаю. Получила предложение от университета Нотр-Дам. – Бекки моргнула – в глаза попал солнечный луч, отразившийся от угла крыши. – И от Кейс Вестерн. – Ну да, в Кейсе ей предложили полную стипендию. – А еще от Мичиганского университета, Карлтонского колледжа...

Подруга Сары опустила руку с кексом.

– Ну... здорово, Бекки, – медленно произнесла Сара с полуулыбкой.

– Хотя, скорее всего, пойду в университет Джонса Хопкинса. С точки зрения качества обучения, может, и не совсем то, зато там большая стипендия. И льготные кредиты.

Сара молча переглянулась с подругой.

Бекки несло.

– Есть другой вариант – Джорджтаун. Лучше жить в большом городе, в округе Колумбия, например, а не в каком-нибудь фермерском городке, ха, учиться в местном колледже!

– Ничего себе, – произнесла подруга Сары, наконец откусив от кекса нормальный кусок.

Сара коснулась плеча Бекки.

– Передавай привет отцу.

Они пошли дальше, размахивая сумками с учебниками, переговариваясь на ходу. Влились в толпу студентов.

И тут Бекки разревелась. Сначала из-за собственной глупости и чувства унижения, затем – из-за того, что не удержалась от слез, потому что это тоже глупо и унижительно. Вошла в ближайшее здание. На стеклянной двери красовалась надпись: «ШКОЛА ИСКУССТВ».

Несколько минут в дамской комнате, и вот она в полном порядке: губки заново подкрашены, рыжеватые волосы аккуратно собраны под заколкой из черепахового панциря. Когда Бекки шла к двери, намереваясь забрать отца и, черт возьми, свалить отсюда, с территории университета, за стойкой холла вдруг материализовался коротко стриженный толстяк и громко произнес: «Брошюры!»

Бекки подошла и взяла одну: «Что такое дом? Взгляд художника на жилое пространство».

– Вы первый год учитесь? У нас здесь галерея...

– Да, спасибо. – Ну, можно и посмотреть.

Сначала Бекки покорно обходила по кругу небольшие комнатки с белыми стенами. Иногда кивала, хотя была единственным посетителем: очень красиво; да, интересно. Наверное, папу уже побрили? После всех процедур ему поставили кресло так, чтобы он мог смотреть телевизор и дожидаться, пока она вернется. Бекки думала: нужно заехать на заправку (три с половиной доллара за галлон, о господи...) и какой залог берут дома престарелых из того списка, что лежит у нее в сумочке. Как это организовано, с ними можно торговаться? Или просто вручают график платежей, и все?

Ей хотелось вернуться к отцу; он, должно быть, уже ждет. Бекки осмотрела последние три полотна и вдруг остановилась перед одним из них, висевшим на уровне глаз. Подошла ближе.

Разве она раньше не видела картин? Видела. В младших классах – когда весной они ездили в Чикаго и посещали Институт искусств. И в ресторане «Барнер», где они с отцом часто обедали (мясное блюдо на выбор плюс еще три: гарнир, напиток, десерт) по средам или четвергам, в зависимости от того, когда в ресторане готовили «ветчинный хлеб», – там постоянно менялись натюрморты на стенах. Их привозил управляющий из дома престарелых, где жила его мать – он ездил туда каждую неделю. Натюрморты он выставлял на продажу; их рисовали обитатели дома престарелых. В основном изображения вазы с фруктами (одна и та же ваза, разные фрукты).

«Что я, картин не видела...» – убеждала себя Бекки. Однако в отношении *этой* картины можно было сказать – да, не видела, вот именно такого сочетания красок, такого узора мазков кистью конского волоса, именно на таком холсте в незатейливой деревянной раме, сколоченной гвоздями, при таком освещении. Прошло пять минут. Пятнадцать. Она уже устала стоять; сумочка валялась на полу (Бекки не заметила, как ее уронила). Протянула руку, сняла картину с крючка и какое-то время держала ее прямо перед глазами. С близкого расстояния изображение казалось совершенно иным.

– Ой-ей-ей. – Толстяк из-за стойки мгновенно оказался рядом с ней, осторожно, но решительно взял у нее из рук картину, нахмурился.

Бекки была застигнута врасплох.

– Их нельзя трогать?

– Конечно, нельзя. Боже упаси.

– Простите, я не знала.

Она же только хотела повнимательнее рассмотреть – как вы берете туфельку без пары с полки в обувном магазине и рассматриваете ее.

– Это все продается, не так ли? Пойдите, а почему, у вас же музей?

– Да, однако два раза в год мы включаем в экспозицию картины из галерей, на продажу. Если хотите, можно подписаться на нашу рассылку новостей. – Мужчина кивнул в сторону стойки.

– А можно... Прошу вас, чуть ближе? – Бекки подняла руки (вот они, я не буду ничего трогать), затем сцепила их за спиной.

Толстяк развеселился, протянул ей полотно. Бекки почти прижалась лицом к картине, словно хотела впитать ее в себя. Мужчина начал рассказывать (как ей хотелось, чтобы он помолчал) об умершем художнике, его звездной карьере; на него, конечно же, повлиял Хоппер, а также современные абстракционистские...

Бекки пыталась запомнить каждый мазок на холсте, с грустью понимая, что ей пора. Отец наверняка уже ждет.

Наконец мужчина закончил рассказ, осторожно повесил картину на место. Деликатно отступил в сторону, чтобы Бекки могла поднять сумочку.

Она последний раз с грустью посмотрела на картину и собралась уже было идти, но остановилась – ее взгляд привлекла маленькая круглая наклейка на стене.

– Извините, а это?.. – Она указала на число на наклейке.

– Цена.

Пятьсот сорок долларов. Сердце Бекки забилося быстрее. На мгновение перед ее мысленным взором возникли две почти одинаковые суммы – здесь и на чеке, спрятанном в ящике офиса.

«Не сходи с ума», – сказала она себе. Помахала на прощание рукой (но даже не взглянула на толстяка) и поспешила к двери.

Стоя в очереди в банк, Бекки думала о Пирсонской аварии, о том, как многие беспричинно обвиняли банк – что утром на церемонии его открытия утонуло столько народу. Ей казалось, что некий отзвук тех событий все еще витает здесь спустя почти сто восемьдесят лет. Если так, пусть это сработает в ее пользу.

Октябрьский день клонился к вечеру. Она стояла четвертой в очереди, выстроившейся вдоль пыльной бархатной веревки – специально пришла в послеобеденный наплыв, когда хозяйка магазинов сдавали выручку перед закрытием. Тщательно продумала наряд: новый кремовый свитер, заправленный под пояс трикотажной юбки из эконом-магазина, и любимые туфли-лодочки на тонком каблуке. Она представляла себе их звонкое цоканье по полированным плитам вестибюля банка.

Уже третья. Бекки улыбнулась мистеру Форнету, когда он коснулся своей бейсболки, приветствуя ее. За девять месяцев работы ей часто приходилось бывать в банке, и она всегда перебрасывалась парой фраз с добродушным охранником. Погода меняется. Определенно. Если повезет, к Хеллоуину выпадет снег.

Кассирша жестом пригласила Бекки к окошку. Спросила:

– Ты без пальто?

Бекки улыбнулась. Разложила чеки и ведомости на потертой латунной поверхности на уровне груди.

– С ума сошла, – заявила кассирша. – Я даже на перекур одеваюсь!

От банка до мэрии было минут пять ходьбы.

– Я бегом. На каблуках.

Кассирша фыркнула.

– Не убейся!

Бекки изучала эту женщину в течение нескольких недель. И выбрала ее, почувствовав – она легко относится к работе, типа «выключила станок, и пошло оно все к черту». Бекки не знала ее имени, но вполне могла представить себе, как на дамских вечеринках с сослуживицами она, пытаясь перекрычать шум кафе, громко рассказывает о последней идиотской выходке менеджера – «этот прыщавый болван». Сияя шикарным розовато-лиловым маникюром, кассирша одним за другим брала приходные чеки, ставила штамп и нажимала на клавиши.

Древний вентилятор под потолком медленно перемешивал воздух. Кассирша уже обрабатывала ошибочное возмещение. Бекки пристально смотрела – чек «Голден» перекочевал в другую стопку, в список на экране добавилось пятьсот сорок два доллара. «Подожди, – уговаривала она себя. – Подожди. Пусть возьмет следующий чек, а потом...»

– О черт! – Бекки прикрыла глаза рукой. – Как я могла...

– Что такое?

Бекки протянула кассирше бланк на выплату наличными.

– Забыла взять подпись! – Возмещение представительских расходов; аккуратнейшим образом заполненный бланк.

Кассирша взяла документ и внимательно изучила его.

– Наверное, решили, что ты теперь сама все будешь подписывать.

Бекки нетерпеливо взмахнула рукой.

– Мне нужно успеть обратно, прежде чем... – Она взглянула на часы. Кассирша сделала то же самое. Поморщилась.

– Я облажалась, – простонала Бекки. – Хотела подписать у них вчера, но...

– Да ладно, – тихо произнесла кассирша. Нацарапала что-то в нижней части бланка и напечатала квитанцию, положив оригинал поверх стопки чеков, затем открыла кассу с деньгами.

Бекки прошептала ей через стойку:

– Ты спасла мою задницу.

– Без проблем. – Кассирша подмигнула ей, и этим все было сказано: мы против них. Передала Бекки обратно стопку чеков; задержала в руках конверт с деньгами, взглянула на сумму.

– Хм, пятьсот долларов. Они что, собираются закупить шелковую туалетную бумагу и брендовый кофе?

Бекки наклонилась к окошку:

– Скорее, потратят на проститутку и минет.

Кассирша рассмеялась и отдала ей деньги.

– Спасибо, – одними губами сказала Бекки.

Теперь по вечерам Бекки выключала верхний свет, оставляя только прикроватную лампу. Не нужно смотреть прямо на картину. Лучше передвигаться в непосредственной близости от нее, притворяясь, будто забыла, что она там. Бекки помнила восхитительное ощущение, когда она медленно, очень медленно, доставала из своего шкафчика учебник по тригонометрии, пока Кэл Хартман на нее пялился. Перелистывала несколько страниц, меняла позу. Клала учебник обратно, тянулась за тетрадью. Она стояла спиной к Кэлу, и от его взгляда все ее тело будто пронизывали невидимые электрические заряды. (Сам Кэл Хартман, конечно же, фе-е.)

День Благодарения. В свитере с высоким воротом и джинсовой юбке Бекки сидела на краешке кровати и подпиливала ногти. После праздничного ужина из трех блюд в кафе «Пэлас» на 4-м шоссе в желудке ощущалась тяжесть. Папа за столом почти не разговаривал; ей нечем было заниматься, кроме как есть из массивных белых тарелок: индейка с подливкой, картофель, стручковая фасоль и фаршированные овощи. Три куса пирога, один – сверх заказа, потому что официантка хорошо относилась к Хэнку и рассчитывала на солидные праздничные чаевые. Которые Бекки и добавила к оплате по счету.

Она занималась ногтями, старалась сдерживать отрывку и ждала: картина должна сотворить свое волшебство. Мэрия закрыта, по улицам бродят шумные компании студентов, приехавших домой на каникулы, а комната Бекки все та же – сквозняк и потертые плитусы. На секунду вспыхнуло сомнение: не в том, *что* она сделала, а *для чего*. Что, если впечатление не вернется?

– Папа? – крикнула она, не отрываясь от своего занятия. По телевизору шел фильм об Индиане Джонсе, и по приглушенным звукам, доносящимся снизу, можно было сориентироваться, какую сцену – погоню, драку – показывают в данный момент.

– Ты спишь? – К ее удивлению, телевизор замолк, и она услышала, как отец – тяжелыми шагами, его походка не изменилась даже после нескольких инсультов – поднимается по лестнице.

Бекки встретила его в коридоре.

– Зайди на минутку. – Помогла ему войти и осторожно усадила на кровать, присела рядом.

Сделка произошла в офисе университетского музея. Женщина-продавец – вовсе не тот толстяк, с которым она разговаривала в прошлый раз – и глазом не моргнула, когда Бекки

подала ей мятый конверт с деньгами. Бекки сочинила целую историю – у моей бабушки юбилей, семьдесят лет, мы решили сделать ей подарок... но все это вылетело у нее из головы, когда она вновь взяла в руки картину.

– Я так тупила, – сказала Бекки отцу. – Она просто дала ее мне, и я сначала даже не поняла, думала, может быть, кто-то должен отнести ее в машину. И объяснить правила перевозки.

Бекки положила на заднее сиденье кучу подушек, в том числе и те, с васильками, что сейчас у нее на кровати.

– Она не кусается, – сказала женщина с сухим смешком и немного нетерпеливо. Какой у нее тонкий рот, и на губе герпес.

– Ну да. – Бекки даже не знала, как держать эту штуку – на руках, как пиццу? Перед собой, как щит? И в конце концов просто взяла ее, не задумываясь, как именно она ее держит.

Но с отцом Бекки разговаривала уверенно. Как эксперт. Положила руку на его сутулую спину – он был в шерстяном пуловере, который она сама выбрала ему на вечер. Ей хотелось, чтобы отец оценил ее приобретение, понял, как чудесно иметь в доме настоящую картину, ведь это придавало ее старой комнате совершенно другой вид. И пусть он не беспокоится о деньгах: она хорошо зарекомендовала себя на работе: «Не всем в конце года дают премии». Бекки погладила его по плечу.

– Буря.

– Что ты, сегодня ясно.

Но он имел в виду картину, он смотрел на холст: синевато-серый фон с вкраплениями белого переходил в желто-зеленый оттенок летнего торнадо.

– Это ведь буря?

Он хочет сказать, что она потратила пятьсот сорок (краденых!) долларов на изображение смерча с ливнем?

– Может быть, – нахмурившись, произнесла Бекки.

Картина стояла на подставке в офисе музея, на коленях у Бекки лежал надорванный конверт с деньгами, и все это время женщина с герпесом перечисляла какие-то даты из биографии автора, кто оказал влияние на художника, какие техники он использовал. Бекки чуть не выпалила: «Я же сказала – покупаю». Ей решили устроить экзамен? Почему она ничего не узнала о художнике до того, как приехала сюда?

– И, конечно же, само изображение силосной башни – оно является типичным и в то же время напоминает о ферме, где художник провел детство...

– Чего?

– Силосная башня... – Женщина прервала выступление. – Тема. То, что изображено на картине.

– Ах, да. – Так вот как это называется. Бекки сразу показалось, что она уловила очертания башни, а теперь еще и покосившийся забор, и кипарисы, но они второстепенны. Главное – башня. «Тема», – повторила она про себя. Целых две лихорадочных недели до покупки она, оказывается, не знала тему картины.

Бекки обняла отца за плечи, помогла ему спуститься по лестнице; подождала возле туалета, затем проводила к кровати, расстелив на ней его пижаму. Дальше он справится. Включила оба ночника, положила его очки рядом с будильником – отец ставил будильник на 4:40 утра.

Вернулась к себе в комнату и улеглась в кровать. Ну и что. Да, папа не видел в картине того, что видела она. Вот старый ночник на комодке ему нравится. Черт, даже раньше, когда он не болел, ему не было дела ни до каких картин, он их просто не замечал. Бекки не помнила, чтобы отец вообще проявлял интерес к живописи.

Так что можно не огорчаться, и нечего привередничать. Плакать она точно не собиралась. И жалеть себя, поддаваясь внезапным горьким размышлениям: об учебе в колледже можно

забыть, парня у нее нет, и мама не хлопочет внизу, прибирая на кухне после семейного ужина. Бекки упорно старалась направить поток своих мыслей так, как ей спокойнее и радостнее.

Вот она в офисе, снимает трубку после первой же трели. На целый день раньше сдает недельный отчет. Случайно слышит слова мистера Дэвида: «Эта новенькая быстро всему научилась, такая шустрая». Вот сидит с прямой спиной за столом, перебирает кучу счетов-фактур. Приносит миссис Харрис пакетик креветок (и миссис Харрис потом счастлива весь день!) для ее полосатого кота. Аккуратно расчерченные журналы с записями, упаковка йогурта в холодильнике в комнате отдыха, пожелания доброго утра – ими обменивались все, даже старый мэр Томсик приветствовал Бекки, если она случайно проходила мимо.

Бекки перевернулась на бок и еще раз посмотрела на картину. Теперь это ее картина, и какая разница, понимает ли кто-то другой, насколько она чудесна? Ночной ветер гнул и качал ветви тополя. Бекки выключила верхний свет. Лежала и умоляла:

«Ну же, прошу тебя. Измени все вокруг».

Глава 4

Пирсон

1984

Почти девять вечера, а официант еще не убрал со стола тарелки с закусками. Бекки знала все наперед: сейчас ее новый босс, Карл Прайс, закажет сразу несколько десертов, чтобы все попробовали каждый из них: «Да ладно, съешьте хоть кусочек, не помрете же». Потом кто-нибудь скажет: «Пожалуй, выпью кофе». Карл попросит бокал «десертного вина» (ужасно сладкого) и будет пить его полчаса, не меньше, малюсенькими глоточками, продолжая разговор. Бекки и предположить не могла, что ее самой утомительной обязанностью после повышения до помощника контролера будут бесконечные ужины в ресторане. Если бы три года назад кто-нибудь сказал ей – тебе будут платить за то, чтобы ты ела стейк и смеялась над идиотскими шутками, она бы ответила: замечательно.

Карл имел обыкновение проводить встречи с клиентами в ресторанах, и всего за несколько месяцев после того, как Бекки получила новую должность, они объехали все заведения «высокой кухни» Пирсона и близлежащих округов; в основном, стейк-хаусы и итальянские кафе. Сегодня они сидели в ресторанчике «Мама София». Бекки тихонько попросила Карла: ей что угодно, только не рыбу. Поэтому он заказал лазанью – себе, Бекки и двум представителям «Молтен индастриз», специалистам по очистке сточных вод. Бекки с мрачным видом ковыряла вилкой еду – очень большая порция. Папе понравилось бы, здесь хватит на два раза покушать, хотя остатки она никогда не забирала. Карл – забирал, клиенты тоже часто так делали, но у Бекки были свои правила.

– Я слышал, у вас есть еще семейный бизнес, – наклонившись к ней, произнес Билл из «Молтена». Во время ужина он все пытался перевести разговор в «рабочее» русло, однако Карлу хотелось поговорить о своей любимой бейсбольной команде.

– Да, что-то вроде того. – Бекки почти полностью свернула деятельность компании «Фаруэлл. Сельскохозяйственное оборудование». Еще в прошлом году она перестала принимать заказы, отказалась от страховки и уволила сезонных рабочих. Сейчас в амбаре уже практически не было ни инвентаря, ни строительных материалов, ни поддонов и стеллажей. Каждый вечер Бекки парковалась в тени пустующей пристройки и каждый раз жалела, что они на нее потратились. Яркая вывеска и девять тысяч долга.

– Наша компания, – Билл понизил голос, – оказывает кое-какие дополнительные услуги – коммунальные, коммерческие. Безвозмездно, если будет договор с мэрией. Просто бонус.

Бекки устало кивнула. Она надеялась, он не скажет «кэшбэк» или «пособие»; вообще не будет говорить о деньгах. Почти каждый раз во время ужина ее пытались подкупить, кто грубо и в лоб, кто потоньше. Билл, по крайней мере, не выходил за рамки. Однажды ей предложили годовое членство в клубе здорового питания «Контролируем вес», потому что «девушки это обожают».

– Решение принимает Совет, – ответила она Биллу. – Мы только контактируем с теми, кто представляет компании.

– Вы даете рекомендации – возразил Билл. – Я мог бы, допустим, попросить кого-нибудь бесплатно оценить собственность, чтобы взять кредит. Не обязательно брать сейчас, можно позже.

– Простите, – быстро произнесла Бекки. – Мне нужно в дамскую комнату.

В холле она попробовала позвонить отцу по телефону-автомату. Выслушала восемь гудков, затем включился автоответчик, ее же собственный голос. Бекки повесила трубку – Хэнк никогда не слушал автоответчик, – а затем позвонила соседке, миссис Новак. И тут тишина.

Может быть, соседка как раз у них? Или миссис Новак снова заснула перед телевизором? В сотый раз Бекки подумала: уж лучше бы старая перечница взяла двадцать долларов, которые она пыталась ей всучить, вместо того, чтобы раздраженно отмахиваться и заявлять, что не станет брать деньги за то, чтобы просто помочь соседям. Если платишь, можно рассчитывать на то, что получишь хорошую услугу; или, по крайней мере, можно пожаловаться.

Наверное, все в порядке. Хэнк почти всегда справлялся. Да и Карл уже вроде заканчивает с ужином. В конце концов, представителям «Молтен» возвращаться в соседний округ.

Бекки все же зашла в дамскую комнату подкрасить губки. Глядя в зеркало, запахнула пиджак, чтобы не было видно потрепанную подкладку. Интересно, сколько они зарабатывают на очистке сточных вод?

Брызнула водой на зеркало, и собственное отражение расплылось. Она не брала взяток; хотя присвоила деньги мэрии. Поступила глупо и безответственно. Не говоря уже о том, чем это могло закончиться. Вернувшись за стол (тарелки наконец убрали), Бекки в который уже раз благодарно вздохнула – ее не поймали. Если бы только она могла вернуть дурацкие пятьсот сорок два доллара! Ей очень хотелось это сделать. Пусть даже в мэрии никогда не обнаружат ошибочный платеж «Голден».

Никогда, никогда, никогда больше она не станет так рисковать, и ради чего? У нее хорошая работа, а тут еще повышение и новый кабинет! Не отдельный, но все-таки. Даже обеды с Карлом приобретали ценность, если рассматривать их в таком свете. Не говоря уже о зарплате – единственном источнике средств, чтобы платить по счетам, которые чуть ли не каждый день бросали им в почтовый ящик.

Вернувшись в зал, Бекки обвела взглядом стены, загадочно улыбаясь в ответ на слова Карла «Ты, случайно, не влюбилась?». Может быть.

Картины были повсюду. Утром просыпаешься, открываешь глаза, и тебя уже окружает искусство. Не шедевры, конечно, однако, если присмотреться, творения попроще тоже бывают интересны. Например, пейзажи на стенах «Мамы Софии» – очертания Везувия с десятка разных ракурсов: коричневая гора на фоне ярко-бирюзового неба. С ошибкой перспективы. В дешевых вычурных рамах.

Во всех приличных газетах – «Tribune», «Sun-Times» и даже «Rockford Register» – публиковали статьи о живописи и обзоры выставок в Чикаго. Бекки читала их дома за тостами с маргарином, просматривала разделы, которые раньше даже не открывала. Печатные репродукции в газетах всегда ужасного качества, и ей приходилось вглядываться, чтобы представить себе картину – какой она могла быть на самом деле. По радио передавали объявления о распродажах коллекций и открытии художественных галерей. Не то чтобы она собиралась их посещать. Или собиралась?

А самое ужасное... ее собственная картина. Бекки обожала ее и жаждала еще. Однажды вечером, в ярости от осознания вины и ненависти к себе, Бекки сняла ее со стены и положила в шкаф изображением книзу. А на следующее утро снова повесила, более того – переместила немного вправо. Освободив место для чего-то еще.

– Хватит, – сказала Бекки. Представители и Карл удивленно взглянули на нее – она решительно отложила вилку в сторону. – Клянусь, если я съем еще хоть кусочек...

Они засмеялись и продолжили уничтожать тирамису и шоколадный торт.

Время тянулось медленно; почти час спустя Карл расплатился. Бекки набрала полные руки брошюр и папок (Карл ничего не взял) и пожаловалась, что представители «Молтен» пытались на нее давить. Вышла на стоянку, каким-то образом сумела открыть машину, бросила все на переднее сиденье и включила двигатель.

Чуть не подпрыгнула, увидев лицо в окне. Билл. Господи, чего ему еще? Попрощаться, что-то сказать напоследок... она не намерена торчать из-за него на темной холодной парковке!

Он жестом попросил опустить стекло.

– Что-то забыли? – Бекки постаралась, чтобы ее слова не прозвучали язвительно. Карл уже уехал на своей «акуре».

– Вот это. – Билл протянул ей в окно конверт. – Не хочу быть навязчивым, но... город маленький, все знают – тебе приходится заботиться об отце.

«Не смей говорить о нем!» – подумала Бекки; он застал ее врасплох. Да, в Пирсоне люди знали друг о друге все.

– Времена тяжелые. Мы просто хотим, чтобы вы не сомневались – «Молтен» всегда подержит. – Билл улыбнулся.

– Я не могу...

– Можешь. По-дружески. Без обязательств.

– Ага. – Бекки сунула ему конверт обратно. Билл отступил, конверт упал на тротуар. Сзади подошел второй представитель.

– Вот такая мы компания! – произнес Билл, садясь в машину. – Не просто компания – братство.

Бекки ждала, пока они уедут. Из ресторана выходили посетители, почти все с картонными коробками – еда навынос, и медленно шли к своим машинам.

Через некоторое время она открыла дверцу. Вот он, белый неподписанный конверт, лежит на земле. Бекки подняла его и заглянула внутрь: новенькие пятидесятки, десять штук. Засунула конверт в самую верхнюю брошюру («Сточные воды: что следует о них знать»). Надо как-нибудь запихнуть эти деньги на один из счетов. И – ее сердце бешено колотилось – погасить долг. Бог свидетель, она просто взяла небольшой кредит у Пирсона, вот и все. Взятка от представителей – грязные деньги, она вернет ими то, чем заплатила за свою картину. И будет чиста.

На следующий день Бекки заглянула в кабинет Карла. Она всегда чувствовала себя разбитой после обильной еды на ночь, а Карл, наоборот, выглядел бодрым и подтянутым: аккуратная прическа, рубашка с короткими рукавами, галстук; еще и насвистывает сквозь зубы.

– Было весело, – сказала она. – По-моему, им понравилось.

– Правда? – Карл просиял. Бекки знала, он наслаждается этим моментом, поэтому всегда говорила ему что-то подобное на следующее утро после ужина.

– И мы даже кое о чем договорились – перед тирамису. – Он похлопал себя по животу. – Благодаря тебе я работаю не покладая рук.

Бекки улыбнулась.

– Мне нужны чеки.

Встреча с «Молтен» – это кофе и закуски, пиво в «Мак Суинн грил» и ужин.

– Я же отдал их тебе.

– Нет. – Он забыл, и не в первый раз.

Карл похлопал себя по карманам, как будто чеки за вчерашний ужин должны были внезапно там материализоваться.

– Может быть, здесь. – Он поднял папку.

– Я позвоню в банк, вы же картой оплачивали? – Бекки уже поступала так. Прошлый раз в банке делали копию чеков три недели.

– Не надо. Просто заполни бланк на представительские, я подпишу.

– Миссис Шиннер всегда просит чеки, на возмещение...

Карл махнул рукой.

– Мы так списывали расходы задолго до того, как она стала здесь работать. Все будет нормально. Напиши что хочешь.

– Отлично. – Бекки не могла скрыть неодобрение в голосе. Похоже, никто из сотрудников не проявляет такой щепетильности, как она.

– Только чесночный хлеб не записывай, – сказал Карл, – а то у меня будут проблемы с экспертом по калориям.

Он имел в виду свою жену Чери, которая однажды попросила Бекки заменить все газированные напитки в комнате отдыха на диетические (и подразумевалось, что Бекки будет ее личным врагом, если откажется).

Она вышла из кабинета Карла, обреченно вздыхая. Заправила в пишущую машинку новый бланк и напечатала «Представительские расходы: «Молтен индастриз», два сотрудника; мэрия Пирсон-Сити, два сотрудника»; число, месяц, год.

Первый кофе и выпечка – «Французское кафе». Бекки помнила – там она расплатилась наличными. И взяла чек. Нашла его, впечатала – 15,59 доллара. Начала составлять список закусок, тщательно припоминая аперитивы, которые заказывал Карл. Стоп. Сначала они пили пиво. Нужно добавить в первую строчку.

Бекки хотела было приложить свой чек, но задумалась. Если Карл не собирается вдаваться в подробности, то и она не будет. И уверенно напечатала: «Напитки – 60 долларов, вино и пиво». Примерно так. Затем – стоимость ужина (закуски, первые блюда, десерт) и пятнадцать процентов чаевых. Нет, двадцать. Подвела итог и заготовила две строчки для подписей: Карла и офис-менеджера миссис Шиннер.

Затем зазвонил телефон, и Бекки поспешила ответить. Бланк, который она напечатала для возмещения расходов, переместился в потрепанную пластиковую папку с надписью «КАРЛУ НА ПОДПИСЬ», и Бекки забыла о нем до тех пор, пока в ее ящичке не появился чек на получение наличных: четыреста двадцать пять долларов, возмещение представительских расходов, подлежит оплате финансовым управлением. Бекки получит деньги, часть возьмет себе, часть отдаст Карлу. Все законно. Это же только на время – взять, потом вернуть. Просто заимствование.

Отец бывал рад, если они с Бекки куда-нибудь выезжали. По воскресеньям после церкви Бекки возила его по окраинам города поучаствовать в распродажах; обычно их устраивают осенью. Хэнку это нравилось; он медленно ходил вдоль столов, брал вещи, рассматривал и ставил их на место, мог переброситься несколькими словами с соседями или друзьями или просто махал кому-то в ответ, когда его окликали. Часто Бекки сажала его рядом с техникой на продажу: блендеры, тостеры, битые мотоциклы – чтобы Хэнк мог перебирать шестеренки и провода или разбирать что-то своими большими руками – они оставались такими же ловкими. Однако чаще всего он сидел в шезлонге со стаканом холодного чая, а Бекки сама просматривала то, что выставляли на продажу.

«Удивительно, – думала она, – люди очищают дома от хлама и имеют наглость брать деньги с тех, кто их от него избавит!» Старые вешалки и колодки для обуви, чужие поношенные халаты, джинсы и купальники – да, купальники! Ужас... К одежде Бекки даже не подходила.

21 сентября они посетили уже третье такое место, дом Лэнгли. Там было много хороших вещей, потому что девочки Лэнгли (Марисса и Джоан, обе вышли замуж и планировали переезжать) серьезно относились к тому, чтобы привести в порядок родное гнездо. Пожилых родителей собирались перевезти в небольшой домик поближе к одной из них. Бекки оставила Хэнка возле кассового аппарата в тени под вязом слушать по радио бейсбольный матч, а сама листала альбомы, лениво перебирала фарфоровые чашки и другую посуду и думала о том, чтобы поскорее пойти домой и переодеться – снять платье и нейлоновые чулки, которые надевала в церковь.

– А с этим что делать? – крикнула женщина с другой стороны гаража. – У стены в столовой.

– Что там? – отозвался ее муж.

– Иди посмотри. Какие-то картины и еще куча всего.

Бекки без особого интереса прошла следом за мужчиной. Послушала, как пара обсуждает, продавать ли портрет женщины в светло-зеленом платье. Решили не продавать. У стены стояли стопкой несколько картин; муж с женой вернулись во двор. Бекки вошла в столовую, перебрала полотна и вытащила небольшой портрет маслом – мальчик с книгой в руках сидит на стуле, рядом с ним кот.

Она не смогла бы высказать, что почувствовала, даже если бы очень хотела. Это был порыв; так безошибочно находит цель самонаводящаяся боеголовка.

Отец по-прежнему сидел возле кассового аппарата, его больше интересовал бейсбольный матч, чем распродажа. Бекки взяла что-то из кухонных принадлежностей – потертую пластиковую лопатку, две деревянные ложки, пару щипцов, положила их возле кассы рядом с портретом.

– Какой счет?

– Тебе и правда интересно?

Кассир медленно перебирал ее покупки; у Бекки участилось дыхание, она постаралась не вздрогнуть, когда он осматривал картину в поисках ценника. Прищурился, затем отдал ей портрет.

– Вы не могли бы прочесть?

Бекки сделала вид, что вглядывается.

– По-моему, там написано десять. Я могу сравнить с другими, если вы... – Она махнула рукой в сторону гаража.

– Не-а. Пусть будет пятнадцать за все.

– Хорошо. Мне нужно... Папа, дай кошелек.

Хэнк начал рыться в карманах в поисках бумажника. Кассир отвел взгляд. Наконец Бекки протянула ему десятку, которую вынула из своей сумочки, и пять смятых купюр по доллару.

– Вам упаковать? Квитанцию выписать? – Кассир произнес это таким тоном, что было ясно: он не расположен делать ни то, ни другое, однако Бекки, хотя и нервничала – ей уже хотелось сбежать с картиной под мышкой, настояла на своем:

– Да, будьте добры. Папа, поехали, дома дослушаешь.

До самого вечера она занималась домашними делами и не успела рассмотреть картину; а может быть, специально откладывала момент. Уборка – нужно пропылесосить, готовка – сварить картофель и сделать пюре, вытащить полотенца, забытые в стиральной машине – от них уже пахло плесенью, и лучше выстирать заново. Потом с Хэнком случилась небольшая авария, Бекки прибрала за ним.

Ее ощущения подтвердились: в 8:30 зазвонил телефон, и Марисса Лэнгли бодрым голосом начала с извинений: она сожалеет, что упустила момент, следовало бы раньше... но вот муж говорит, хорошо бы все исправить.

Ага.

Марисса торопливо объясняла: произошла ошибка, некоторые вещи не предназначались для продажи – кое-что из обстановки, предметы искусства. Нет, ничего особенного, однако семейные ценности... Тот небольшой портрет, который купила Бекки.

– Ну, вы понимаете. Друг семьи привез из Европы. Мы все собирались оценить его... В общем, портрет нужно вернуть.

– Мне очень жаль, – медленно произнесла Бекки, сжав в руке телефонную трубку.

– Да, – тут же согласилась Марисса. – Я чуть не убила сестру за то, что она выставила эту картину на продажу вместе с другими вещами. Она готова прямо сейчас заехать к вам за ней.

– Нет, – ответила Бекки.

– Нет?

– Я хотела бы оставить ее себе, – сказала Бекки. – То есть она моя. Ваш муж – или муж вашей сестры? – продал ее мне и выписал квитанцию.

– Муж ничего не знал, – возразила Марисса. – Эта картина не продавалась!

– Хорошо. Если хотите, вы, конечно, вправе обратиться с претензией в суд... – Бекки выдержала паузу. – Однако у меня на руках есть чек и квитанция.

– Да кем ты себя возомнила?! Думаешь, умнее всех...

– До свидания, Марисса, – весело сказала Бекки и повесила трубку.

В гостиную прошаркал Хэнк; раздраженный голос Мариссы в телефоне было слышно и в комнате. Бекки обняла отца.

– Хочешь мороженого? Я – да!

Бекки тщательно изучила желтые страницы телефонной книги, поспрашивала кое-кого на работе (миссис Дидхэм, как известно, охотилась за антиквариатом) и в конце концов выяснила, что такое оценщик, чем он занимается и сколько стоят его услуги. Как оказалось – несколько. Оценщики берут только определенный процент от продажи.

Линда Спир из «Антиквариата и предметов искусства» не очень заинтересовалась картиной, но Бекки не огорчилась. Она решила последовать совету миссис Дидхэм и отвезла картину в Джолиет в первый же выходной, когда нашла, кто присмотрит за Хэнком.

Линда посвятила ее в некоторые подробности, указала на почти незаметную подпись художника внизу картины – Бекки не обратила на нее внимания. Показала репродукции похожих работ этого автора и других, писавших в то же время и в той же манере (не самые известные французские постимпрессионисты, 1890-е годы), а также особенности, которые могли повлиять на рыночную стоимость – дерьмовая рама (хотя Линда выразилась мягче) и небольшое изменение цвета по верхнему левому краю.

– Я бы сказала, пять тысяч минимум, – сказала она. – Хотя кошка... пожалуй, больше. Думаю, от шести до семи с половиной. Если привести в порядок и поменять раму.

Бекки кивнула. Они поставили полотно на настольный мольберт Линды и внимательно его разглядывали.

– А вы не продаете?

– Нет. По крайней мере, сейчас не продаю.

Линда кивнула.

– Если передумаете, мы распечатаем для вас всю необходимую информацию. Конечно, цену гарантировать я не могу, однако знаю немало коллекционеров, которые заинтересовались бы. Многие любят кошек.

«Фу, мерзость», – подумала Бекки.

– Вы упомянули раму и... привести в порядок? Не расскажете поподробнее?

Вот когда Бекки убедилась, что картина действительно ценная. Линда говорила и говорила: о багетных мастерах и реставраторах, о консультантах и экспертах, агентах и отделочниках, о распродажах коллекций и аукционах. Она говорила, пока не появился следующий клиент, и, закончив, восторженно воскликнула: «Бывают такие интересные распродажи!» Указала на стопку брошюр на столе в холле. Бекки взяла несколько брошюр и пару журналов: «MidWest Art» и «Art in America». Положила их в машину на переднее пассажирское сиденье.

Домой Бекки ехала быстрее обычного. Она испытывала небывалый подъем, в голове мелькали идеи и амбициозные планы, только пока не было уверенности, что она способна их осуществить.

В течение следующих двух месяцев Бекки нашла и исправила целых четыре ошибки, сделанные Карлом и его подчиненными; ошибки касались перерасхода средств. Средства вывела и удержала. Перестала указывать Карлу и другим, если замечала двойной платеж. Суммы незна-

чительные – десятки долларов, иногда около сотни, – но все это накапливалось. Бекки стала спокойно относиться к подобной беспечности – не ее дело! И держала язык за зубами.

Она начала бродить по округе в поисках новых возможностей приобрести «искусство». Первая распродажа, куда она попала, оказалась полным отстоем – заплесневелые холсты, рухлядь в красивых рамах. На второй (в доме у озера Франклин) она нашла раннего Яна Вестермана. Где-то к пятой поездке Бекки уже здоровалась с завсегдатаями местных распродаж. Один из них посоветовал ей связаться с бывшей владелицей чикагской галереи, которая сейчас жила недалеко от Спрингфилда; она продавала свою коллекцию.

К концу года в спальне Бекки висело пять картин, а в углу коридора перед гостевой ванной стояла полуметровая скульптура.

Глава 5

Пирсон

1986

Бекки сидела в уже почти заполненном концертном зале «Метро-центра» Рокфорда, ожидая, пока дуэт Джадд выйдет на сцену, и нервничала. Ужасно неудобное металлическое сиденье, колени упирались в передний ряд. Бекки положила ногу на ногу, затем поменяла ноги. Невозможно! Она собиралась быстренько поздороваться с Ингрид Бинтон, бывшей одноклассницей, которая купила билет на соседнее кресло, а затем поискать себе место получше, ближе к сцене. Одно. Однако с верхнего ряда, где сидела Бекки, было видно, как с каждой минутой шансы пересесть уменьшаются. Конечно, можно пересесть сейчас... но тогда она точно уже не поздоровается с Ингрид. А вдруг они потом столкнутся друг с другом в туалете? Или Ингрид заметит светло-рыжий конский хвост Бекки в другом секторе и догадается, что та просто-напросто не стала ее дожидаться?

Ладно. Поздороваться нужно обязательно.

В зале раздались аплодисменты – на экране над пустой сценой появилась фотография дуэта – мать и дочь. Пушистые каштановые волосы Наоми зачесаны набок, она широко улыбалась: губы, покрытые морковной помадой, контрастировали с ослепительной белизной зубов. Лицо Вайнонны с тяжеловатой нижней челюстью прижато к щеке матери. Как всегда, Наоми выглядела младше. Хотя Бекки, как и всем настоящим поклонникам дуэта, больше нравилась Вайнонна – и не только из-за голоса. В ее глазах отражалось какое-то печальное знание.

Вот-вот начнут!.. Бекки считала: все меньше свободных мест впереди. Вокруг нее шептались парочки; хихикали как идиоты, целовались и несли всякую чушь о Вайнонне и Наоми.

– Надеюсь, они споют «Rocking with the Women».

«Rocking with the Rhythm», – мысленно поправила Бекки.

– Они уже раз пять были на верхней строчке.

«Девять, включая «Cry Myself to Sleep» на этой неделе».

– Первый альбом самый классный, остальное не дотягивает.

«Ерунда. «Why Not Me» гораздо лучше, чем «Wynonna & Naomi», – и текст, и аранжировка, и вокал».

– Привет, – кто-то окликнул Бекки. Она сразу узнала высокую полную фигуру Ингрид Бинтон (в школе все звали ее Бинни). Она стояла в конце прохода и застенчиво улыбалась.

Весь ряд посмотрел на нее, потом на Бекки.

– Давай проходи, – сердито ответила Бекки.

Ингрид осторожно начала пробираться по проходу, широко расставляя ноги в узких джинсах.

– Простите. Извините.

Очередной шквал аплодисментов. Бекки прикрыла глаза. Когда она открыла их, Ингрид уже сидела рядом с ней. За два года после выпуска Бекки практически не общалась с Бинни... то есть с Ингрид; да, наверное, и за все то время, когда они вместе учились в начальной, а затем и средней школе Пирсона. В школе Ингрид играла в волейбол и была звездой, может быть, только слегка полноватой для спортсменки; легко общалась со всеми – от отличников-зубрилок до самых отъявленных хулиганов. Теперь она работала медсестрой скорой помощи. На Ингрид светлая джинсовая куртка, волосы завиваются тугими колечками (наверняка перманент в домашних условиях).

– Прямо с работы? – спросила Бекки, взглянув на поношенные сабо на ногах у Бинни.

– Я тоже рада тебя видеть, Бекки Фаруэлл. Как думаешь, начнут с «Rocking with the Rhythm»? Я слышала, два дня назад в Сент-Луисе Вайнонна исполняла «Tears for You» а капелла.

Бекки собралась ответить, но тут погас свет, и по залу прокатился шепот: Наоми и Вайнонна подошли к инструментам. Бекки отчаянно высматривала, не осталось ли свободных мест поближе к сцене. Тем временем Ингрид сделала два быстрых снимка – у нее на шее висел фотоаппарат. При первых басовых аккордах «Rocking with the Rhythm» она подтолкнула Бекки локтем и подмигнула ей. Вайнонна с гитарой вышла вперед; Наоми всего лишь подпевала дочери.

– Жду не дождусь, когда Вай одна будет выступать! – крикнула Ингрид Бекки в ухо.

Точно. Как это ей не пришло в голову. Вайнонна соло. Хорошая мысль. Бекки неожиданно заметила, что водит плечами в такт музыке: вправо-влево, вправо-влево. Вместе с Бинни и со всеми в зале.

Прошел год с момента ее повышения до помощника контролера, а утомительные обеды с Карлом и клиентами продолжались, по два-три раза в неделю. Еще Карлу нравилось приглашать сотрудников «на выездные совещания» для проведения «мозговых штурмов» – в выходные он собирал отдел на барбекю у себя дома, во дворе. Бекки подсчитала, что это затягивает реализацию любого проекта в три-четыре раза. Однако неизменно присутствовала на таких мероприятиях, веселилась вместе со всеми и на следующий день приходила в кабинет Карла и непременно рассыпалась Карлу в благодарностях. Карлу уже пятьдесят девять, у него стенокардия и второй дом на Женевском озере. Можно и подождать.

Потому что работа превратилась в то, что Бекки стала называть своим «Предприятием»: находить ошибки, несостоявшиеся возмещения или неиспользованный бюджет на обучение персонала и переводить деньги на счета, которые контролировала лишь она сама. В прошлом году она потратила двадцать четыре тысячи двести девяносто долларов на покупку картин и скульптур и довольно часто перепродавала их за более высокую цену. С тем, что оставалось после выплат на счета мэрии, она могла делать что угодно. И трудно сказать, что ей нравилось больше: полотна на стене ее спальни или тот факт, что они куплены благодаря ошибкам, которые никто, кроме нее, не замечал.

Однако этого было недостаточно. Деньги, искусство... Бекки стремилась к большему. Предприятие должно развиваться.

Может, ей удастся почерпнуть какую-нибудь идею на вечерних лекциях по истории искусств? Раз в неделю она ездила в Чикаго на курсы. Начала заниматься с большими надеждами. Сперва заходила в закусочную, с аппетитом ела жареный сыр, запивала пережженным кофе. Первое время ей нравились волнующие ощущения – они сидели в затемненной аудитории и преподаватель по совместительству, а вовсе не настоящий профессор (она не питала иллюзий на этот счет) показывал им знаменитые картины, слайд за слайдом, на древнем проекторе. Уделял много времени тому, что ее не очень-то интересовало: цвет, линии, форма, фактура. Только однажды сказал что-то про «ценность», и Бекки вздрогнула, но, похоже, не поняла, о чем речь. На экране появилась коричнево-зеленая работа Георга Гросса. Не то чтобы она хотела купить что-то похожее...

Она подняла руку.

– Да? – удивился лектор.

– Сколько... какова цена?

Последовала продолжительная пауза, ее слова повисли в воздухе, и Бекки поняла, что совершила ошибку.

Преподаватель попросил ее пояснить. Другие слушатели – в основном пенсионеры – опустили глаза.

– Кажется, вы сказали... что это ценная картина, – пробормотала Бекки.

– О, ценность. – Он почувствовал облегчение. – Я говорил о художественной ценности, об игре оттенков. Если рассматривать более поздние работы Гросса, ясно видно, как...

Бекки ступала. Слава богу, в аудитории полутьма. Здесь нельзя говорить о деньгах. Их не существует – если не верите в это, то притворитесь.

– Сколько ты заплатила? – спросила она Ингрид. – За билет.

Вайнонна кружила по сцене во время продолжительного проигрыша, останавливаясь возле каждого музыканта. Наоми стояла и ждала, слегка постукивая пальцами по микрофону.

– Донни сказал мне, что продает без наценки, но, кажется, он меня надул.

Ингрид перестала раскачиваться.

– Он взял с тебя деньги? Вот гад.

– А с тебя нет?

– Их купила я. Мы должны были пойти вместе.

Во время антракта они расположились поудобнее, поставив ноги на передний ряд. Ели хот-доги по три доллара за штуку и пили водянистое пиво из одной банки. Донни Вагнер, менеджер компании «Коллинз стэмпинг», слыл сердцеедом. Темные взлохмаченные кудри, ослепительная улыбка, а по выходным в баре он надевал кольцо из ракушек. Ходили слухи, что он несколько раз женился и разводился, хотя детей не завел. Правды никто не знал, поскольку Донни переехал в Пирсон совсем недавно; раньше он жил в Техасе у двоюродного брата.

– Он приходил к нам, разговаривал с моим боссом, – сказала Бекки. – И после этого начал мне звонить, уж не знаю почему.

– Потому что он кобель. – У Ингрид в уголках рта собралась пивная пена. – Не обижайся. Бекки мотнула головой: все в порядке.

– Мы с ним один раз, в прошлый четверг, ходили...

– Кушать куриные крылышки, – закончила Ингрид. – И он заговаривал со всеми в баре? И пытался пригласить кого-то за ваш столик?

– Да. Как будто по офису бегал. А потом сказал, что у него есть лишний билет, и не хочу ли я... – Бекки смотрела вперед на толпу в свете мигающих огней. Тогда в баре она, как идиотка, целую минуту думала, что Донни приглашает ее пойти с ним на концерт Джадд. – Сама не знаю, почему не отказалась. – Бекки скомкала бумажную салфетку.

– Потому что он чертовски обаятельный. Не растолстел, в отличие от большинства наших одноклассников, живот у него что надо.

Бекки пожала плечами. Она не знала, какой у Донни живот.

– Мы встречались три месяца, – продолжала Ингрид. – За все это время он ни разу не угостил меня нормальным ужином. Представляешь, однажды в воскресенье я пригласила его к нам на обед. Нет, не «знакомиться с родителями» – моего отца даже не было в городе. Но мама приготовила курицу с настоящими грибами, а я, как идиотка, испекла торт. Слава богу, пекла из готового теста. – Ингрид задумчиво жевала хот-дог.

– Ага, – осторожно сказала Бекки. Ей хотелось услышать, чем же все закончилось

– Ну вот, сидим, ждем его. Муж моей сестры накладывает себе на тарелку курицу, начинает есть – ему идти на футбольный матч. Тут звонит телефон, и Донни сообщает, что он на заправке в Суноко; не могу ли я к нему подъехать? Нормально? И я еду. Он мило улыбается, быстро-быстро начинает объяснять – двигатель вдруг заглох, он не может разобраться, в чем дело. И все это время его грузовик стоял на заправке! Он что, не мог найти там механика?

– То есть к обеду он не явился, – предположила Бекки.

– Это даже не самое худшее, – прошептала Ингрид.

Бекки улыбнулась.

– Ты дала ему деньги на бензин, да?

Ингрид закрыла лицо руками, и Бекки испугалась – а вдруг она плачет. Но та рассмеялась.

– И после этого я еще четыре раза с ним спала! Я идиотка, да?

– Ну что ты, – возразила Бекки, хотя подумала: «Отчасти да».

– А билеты?

Свет в зале начал гаснуть.

– Я заказала их по почте три месяца назад. Сразу, как только стало известно о турне группы. Я надеялась, что у меня к тому времени будет... ну, парень. А этот идиот Донни начал спать с Кристиной Луни! Я сделала вид, что не знаю, и предложила ему билет... хотела, чтобы он вернулся. И вот, пожалуйста. – Ингрид опустила глаза.

Бекки прямо расстроилась. Почему люди такие глупые? И такие невыносимо откровенные... Она вылила остатки пива в стаканчик Ингрид.

– Донни сказал, что билет стоит тридцать пять долларов.

Ингрид вытаращила глаза.

– Тридцать пять?

– Сколько ты за них заплатила?

– По восемнадцать!

Вайнонна и Наоми исполняли кавер на «Girls Night Out», и все встали, включая Бекки и Ингрид. Бекки даже не сбросила с плеча руку Ингрид и не протестовала, когда та высоко подняла фотоаппарат, направила на них объектив и сделала несколько снимков.

– Темно, не получится, – крикнула Бекки.

– Да мне по фигу, – крикнула Ингрид. Она вспотела, но выглядела ужасно довольной. – Пошлем одно фото Донни.

– Вместе со счетом на тридцать пять долларов.

Ингрид расхохоталась.

Заиграли «Gramma». Бекки даже позволила себе подпевать вместе со всеми, хотя считала песню слишком сентиментальной.

На бис исполнили «Why Not Me?». Ингрид закрыла глаза и принялась качать головой под музыку, видимо погрузившись в свой собственный мир. В зале несколько тысяч женщин, песня им действительно нравилась: медсестры, школьные учительницы, домохозяйки и продавщицы, все они вместе с певицей вопрошали: «Почему не я?» И Бекки вдруг тоже понравилось: она впервые заметила, что фраза лишь вначале звучит печально, а в финале песни – даже жизнеутверждающе. Этот сингл был в хитах с прошлого лета. Простые и искренние слова трогали до глубины души, выражали именно то, что хотелось выразить всем – лучшее в себе.

Глава 6

Пирсон

1986–1987

Прошло много времени, прежде чем они встретились вновь. Сразу после концерта Бекки ушла, радуясь, что Ингрид не полезла обниматься на прощание.

Как-то в ноябре на собрании персонала один из секретарей наклонился и громко прошептал Карлу:

– Пожарные приехали!

Все сразу оживились: что угодно, лишь бы не эта скучотища.

– О! – сказал Карл. – Кто-то забыл выключить тостер?

Но это была не пожарная машина и не парни в полной экипировке, а только их шеф Эдвардс на личной машине. Он подошел к Бекки.

– Нужно кое-куда съездить. – Эдвардс мягко обнял ее за плечи. – Твоего отца увезли в больницу.

Умер. Умер еще до того, как к ним приехала скорая помощь – ее вызвала миссис Ровнер, обнаружив соседа лежащим в коридоре между гостиной и туалетом.

Утром Бекки сняла обертку с кусочка торта к папиному утреннему кофе, показала отцу, куда поставила обед – как обычно, в холодильник на среднюю полку: тарелка, закрытая фольгой. Хэнк выглядел как всегда, не лучше и не хуже; кивнул, когда Бекки напомнила ему, что днем зайдет миссис Новак.

По пути в больницу Бекки пыталась вспомнить, поцеловала ли отца на прощание сегодня утром. Обычно она всегда так делала, только иногда, в спешке, забывала попрощаться. Сегодня утром – торопилась?

– Спасибо, – сказала она Эдвардсу. Он довел ее до входной двери.

Нет, дальше не надо, все будет в порядке.

По серьезному, спокойному лицу врача Бекки поняла – да, умер. Ее повели в тихую и темную комнату, отец лежал там. Под зеленой простыней округлым бугорком выделялся живот. Обвисшие щеки, морщинистый лоб, глаза закрыты.

– Обширный инфаркт, – сказал врач, когда она откинула простыню и взяла отца за руку. Не теплая и не застывшая. Умер мгновенно и не страдал.

Бекки присела на кровать рядом. Ей не хотелось отпускать его руку.

– Я принесу стул.

– Можно... можно посидеть на кровати?

– Да, конечно, – тихо ответил врач. И помог ей подвинуть тело отца, чтобы освободить место.

Она вернулась домой почти в восемь вечера. Перед входом стояла незнакомая машина; подойдя ближе, Бекки увидела Ингрид. Подруга коротко улыбнулась, а затем внимательно посмотрела на Бекки. Вышла из машины, открыла заднюю дверцу, выпустила мать, и Бекки неловко обнялась с ними. Стояла и думала – может быть, они сейчас уедут, но Ингрид проводила ее до двери и, как ни странно, вошла.

Бекки слишком устала, чтобы возражать.

– Ты вовсе не обязана... – сказала она, когда Ингрид прошла на кухню, чтобы разогреть еду – они принесли ее с собой. И стала накрывать на стол.

– Знаю, – ответила Ингрид. – Мама, это вон там. – Она показала матери, где стоят моющие средства, и миссис Бинтон начала пылесосить коридор рядом с ванной, где... Ох. Бекки смутилась, когда поняла, что именно и почему убирает мать Ингрид.

Она съела курицу и рис, которые ей подали, и выпила стакан воды. Начала злиться – почему бы Ингрид не прекратить эти хлопоты. Подъезжали машины; миссис Бинтон ставила еще какие-то блюда в холодильник. Звонил телефон, Ингрид отвечала и записывала сообщения, кивала и говорила – все, что говорят в таких случаях. Миссис Бинтон проводила Бекки наверх в спальню; на постели было свежее белье. Бекки заснула, прислушиваясь к звукам, доносящимся с кухни, а утром ей даже показалось, что сейчас она спустится – а там Ингрид. Однако в доме было пусто и тихо.

Хэнка похоронили через неделю, и за это время Ингрид незаметно вошла в жизнь Бекки. В пресвитерианской церкви, которую они обе посещали, организовали церковную службу, похороны, поминки. Бекки и понятия не имела о многих вещах, о которых следовало позаботиться. Люди любили Хэнка и очень старались помочь.

Удивительнее всего было поведение Ингрид. Она приходила, придирчиво инспектировала содержимое холодильника: порции, маркировка, можно ли замораживать. Время от времени решительно заявляла: «Так, это лучше выбросить. Я видела – миссис Фремонт чихает, а вдруг у нее грипп». Заказала еду для поминок, записала Бекки к парикмахеру, отмечала, кто прислал цветы и карточки. Бекки устала от того, что ею командуют, однако намеки типа «Спасибо за помощь, но...» не помогали.

Ингрид стала появляться у нее довольно часто. Приходила после ужина с какой-нибудь закуской или парой банок светлого пива. Бекки совершенно не хотелось болтать, и уж точно она не собиралась плакать или перебирать старые фотографии, поэтому в основном они смотрели телевизор. Ингрид нравились смешные шоу и короткие комедии о семьях, где взрослые решают какие-нибудь идиотские проблемы и забывают воспитывать детей. Она высмеивала эти шоу, но, похоже, все равно наслаждалась ими. Бекки привыкла к тому, что Ингрид разувалась, забиралась с ногами в уголок дивана с банкой пива в руке. В любимое кресло Хэнка никто не садился.

День похорон выдался холодным и слякотным. Чем бы Бекки ни занималась, с кем бы ни говорила – не чувствовала ничего, кроме горя. Во время службы в церкви ее била дрожь, ноги онемели и замерзли. Лишь несколько человек поехали с ней на кладбище. А в церковь пришло очень много людей – сослуживцы Бекки (включая Карла с женой), родители одноклассников. Принесли множество домашних десертов, помогали подавать кофе и закуски.

Ингрид была везде: на службе, на похоронах, на поминках. Помогала людям раздеться, убирала тарелки, напоминала, что нужно поставить подпись в гостевой книге. Бекки не покупала гостевую книгу; кто-то позаботился и об этом.

Уже в конце дня, когда все начали расходиться, Бекки увидела Ингрид с охапкой смятых скатертей в руках и наконец потеряла самообладание:

– Слушай, чего ты тут торчишь? Твои ведь недавно уехали?

Ингрид тоже жила с родителями.

– Я не просила тебя все это делать.

Мы вовсе не друзья. Мы даже не знаем друг друга! И совершенно необязательно держаться вместе только потому, что и ты и я – неудачники, единственные из нашего выпуска, кто остался в городе.

Бекки удалось не произнести это вслух, но она знала: Ингрид все поняла.

Она ничего не сказала в ответ, только закатила глаза и ушла. Позже Бекки поискала ее глазами, но не увидела. В церкви никого не осталось, за окном стемнело. Бекки пришлось в четыре приема отнести цветы к себе в машину – все уже разъехались.

Какое-то время она просто каталась по городу. Туда и обратно вдоль реки, через мосты, на север, на юг. Притормозила при виде ресторана «Хэммонд», понимая, насколько устала и замерзла; ведь не ела весь день. Губы потрескались, горло болело, и Бекки казалось, что она не в состоянии выдать из себя ни слова, не говоря уже о том, что не хотела бы столкнуться с официантом, который подавал отцу его последнюю тарелку теплого картофельного пюре, политого растопленным маслом, – любимое блюдо Хэнка.

Можно было бы и поплакать. Поддаться горю и неуверенности – что теперь будет? Почему она чувствует себя ребенком? Ей двадцать лет! Помощник контролера, вовсе не малыш-сирота.

Первое, что она увидела, остановившись перед домом, – «фольксваген» Ингрид. И Бекки... обрадовалась. Вылезла из машины, набитой лилиями и гладиолусами, и подошла к Ингрид. Та сидела на пассажирском сиденье. Двигатель выключен, горит верхний свет, в руках журнал «Гламур».

Ингрид опустила окно. Указала на коричневый бумажный пакет.

– Крекеры и бутылка портвейна. Еще печенье – разное, я не знала, ты любишь сладкое или соленое. Или и то, и другое, как я. И... – Ингрид порылась у себя под ногами и вытащила стеклянную бутылку. – Вуаля, «Джонни Уокер блэк»! Папин. Думаю, он приберегал его, скажем так, для особого случая.

Бекки двумя руками дернула тугую замерзшую дверцу старой машины. Ингрид расплылась в глупой широкой улыбке.

– Хочешь, выброшу все это, – сказала она, с пакетом и бутылкой следуя за Бекки к дому. – Если тебе не нужна компания.

– Мне никогда не нужна компания, – пожала плечами Бекки, придерживая входную дверь для Ингрид. – Можешь выбрать любое шоу. Я просто не хочу разговаривать. Надоело. – Она смотрела, как Ингрид скинула туфли и начала открывать бутылку. И добавила: – А то буду брюзжать весь вечер.

– Бекки Фаруэлл, думаешь, ты меня удивила? Держи свой бокал.

Так часто бывало в Пирсоне и других небольших городках Среднего Запада – смерть Хэнка Фаруэлла вызвала волну любви и заботы, которая помогла его единственной дочери пройти через многие трудности. Бекки получила огромное количество приглашений на Рождество и Новый год и посетила несколько праздничных ужинов, прежде всего – у Бинтонов. Смерть отца подтолкнула ее наконец официально закрыть бизнес и, возможно, явилась причиной неожиданного увеличения зарплаты в мэрии. Девушка осталась совсем одна и стойко переносила горе – ничто не могло вызвать большего уважения у жителей Пирсона.

Теоретически она могла поступить в колледж. Никто бы не стал ее критиковать. Но Бекки знала – слишком поздно. Каждую неделю Карл передавал ей все новые обязанности. Она уже курировала всю команду штатных бухгалтеров, и ее просили присутствовать на встречах высшего руководства по вопросам финансового планирования. Бекки тщательно следила за тем, чтобы выглядеть респектабельно: четыре деловых костюма пиджак-юбка, десяток блузок.

Они с Ингрид стали подругами. Бекки купила видеомэгафон, чтобы смотреть кассеты, которые Ингрид брала напрокат по выходным. Запасалась пирожными, газировкой «Доктор Пеппер», чипсами. А если они проводили вечер не вместе, то Ингрид звонила ей просто поболтать. Бекки долго не понимала, что это за удовольствие, однако в конце концов ей стало нравиться такое общение. Они спорили, какая радиостанция лучше – WMMR легче настроить, однако во второй половине дня там скучный ди-джей; а у WOHA слабый сигнал, зато больше

малоизвестных песен Джорджа Стрейта и Рэнди Трэвиса. Сплетничали об одноклассниках, вспоминали школу – ссоры, увлечения. Обсуждали мужчин, с которыми работали. Бекки привыкла к тому, что Ингрид сводила все темы к интересующим ее парням и вечно волновалась, позвонят они ей или нет. Роль Бекки, как она поняла после того, как разок оплошала, заключалась в том, чтобы, несмотря ни на что, настаивать: да, конечно, «Как-его-там» обязательно позвонит. Порой Ингрид принималась звать посреди разговора, и Бекки начинала прощаться, однако Ингрид нравилось болтать, засыпая. Она всегда находила что сказать.

Порой они вместе ходили в церковь, когда после «Часа кофе» проводилось какое-то мероприятие, вроде упаковки обедов для приюта или обучения детей. Обе были очень энергичными, им нравилось делать что-то для города, особенно если за это хвалили (Бекки) или угощали выпечкой (Ингрид). Пирсон привык к тому, что они часто появлялись вместе; со временем и Бекки привыкла.

Она проводила много времени с Ингрид еще и потому, что ее Предприятие простаивало. После смерти отца прошла череда праздников, и Бекки уже больше месяца не работала – Карл всякий раз отправлял ее домой.

Ладно. Если пока нельзя ходить на работу и следить за платежами и статьями бюджета, можно заняться учебой. Однако Бекки чувствовала, что ей уже неинтересны местные кружки любителей искусства, домашние коллекции и небольшие захолустные галереи. Она пролистала в библиотеке все старые выпуски «Midwest Art» и теперь выискивала в газетных киосках журналы «о моде, стиле и обществе», типа «Vogue» или «Vazaar», которые сами киоскеры называли «журналы для снобов». Она покупала и некоторые европейские издания ценой под десять долларов, где печатали статьи самых авторитетных искусствоведов, в основном нью-йоркских. Оттуда Бекки черпала имена и тенденции. Долгие зимние дни она проводила, погрузившись в созерцание репродукций картин или блестящих трубчатых скульптур, изучала цены на аукционах и правила продажи. Лежала в своей старой кровати, все в той же маленькой комнате – и думала об искусстве. Точнее, о покупке и продаже произведений искусства.

Глава 7

Пирсон

1987

Подвал мэрии располагался по всей длине огромного здания; его почти не отапливали и использовали как складское помещение. Никто не хотел туда спускаться. Сотрудники рассказывали друг другу страшилки: там в стенах замурованы трупы и выют свои гнезда ядовитые пауки. Но приходилось покупать мебель, праздничные украшения, и нужно было куда-то складывать множество коробок с документами, которые полагалось хранить. Так что обычно туда посылали парня по имени Скотти из технического персонала мэрии.

Бекки раньше посмеивалась (что, у всех такие слабые нервы?), хотя после того, как провела в липком полумраке подвала пару часов, вынуждена была признать – да, здесь довольно жутко. Например, у северной стены под рваным синим брезентом стоит какой-то предмет восьми футов высотой – что это, черт возьми? Почему, прокравшись сюда, она то и дело смотрела в ту сторону, вместо того, чтобы использовать время совсем для другого?

Бекки переставила коробку с документами и села так, чтобы не видеть чудовище под брезентом. Освещение гудело и моргало – как в фильме ужасов; именно поэтому она взяла с собой фонарик. Зажав его под мышкой, Бекки закрыла коробку, сделала на крышке пометку карандашом и отодвинула в сторону, освободив место для следующей. Если продолжать в том же темпе, можно просмотреть еще две или три, прежде чем кто-нибудь наверху заметит, что ее нет. Карла сегодня не будет весь день, а остальные, наверное, думают, что она разносит по офису экземпляры последнего распоряжения.

Огромное количество банковских счетов мэрии – старых и новых, закрытых или просто подвешенных без движения средств, а также действующих, в общем, всяких разных, – отпугнуло бы гораздо более опытного бухгалтера. Наверху ходили шутки, что аудиторской фирмы, десятилетиями проверявшей их бухгалтерские книги и ни разу не придравшейся ни к одной операции, на самом деле не существует. Бекки оценила масштабы хаоса и сразу поняла, как это обернется в ее пользу. Она завела себе небольшой блокнот и стала носить его с собой на встречи, совещания по бюджету и обеды с клиентами. Помечала в нем, где, когда и о каких счетах упоминалось, и сравнивала с тем, что находила в текущих книгах и банковских выписках. Затем попросила стажера принести из подвала коробки с папками, чтобы – как она сказала Карлу, считавшему ее затею перфекционизмом и глупостью, – «отследить преемственность». Разобраться, как все работает. Конечно, в свободное время.

Карл совершенно не обращал внимания на внутренние распределения бюджета – в какие отделы поступают деньги города, а затем расходуются либо нет. Он обычный человек, не математик. Если кто-то спрашивал его об этом, он с удовольствием позволял мисс Фаруэлл давать пояснения. Все учитывается в бухгалтерской книге, чего же вам еще.

Вскоре Бекки перестала обращаться к Скотти и сама начала таскать наверх документы, по две коробки зараз, как раньше помогала отцу с инвентарем. Сегодня она взяла блокнот и спустилась в подвал. Так гораздо проще, хотя там она сразу начинала чихать – от сырости? – и чуть не подпрыгивала всякий раз, когда шипел древний бойлер. Уж лучше перебирать документы не на виду у всех.

Бекки искала. Прошло уже три месяца с тех пор, как она вернулась на работу. По-прежнему прибирала деньги, подвисшие из-за чьей-то глупой ошибки, но пока что приостановила любые покупки «искусства». Ей нужно найти... что? Она не могла сказать, что именно, – какой-то способ, лазейку, брешь? Узнает, когда найдет.

Тогда, днем – или уже был вечер? – она уже хотела отставить коробку, однако увидела папку с документами, которые ей раньше не попадались. Выписки по счету в «Мидвест кредит юнион». Ага. Насколько Бекки знала, их счета в этом банке закрыты. Проверила свой блокнот, сняла крышки еще с нескольких коробок. У мэрии были счета в разных банках, и официально считалось, что чем шире будут распределяться финансы, тем лучше. Хотя Бекки не сомневалась, что настоящая причина – нежелание утруждаться. Чтобы закрыть счет, нужно предпринять некоторые действия; открыть новый гораздо проще.

Бекки держала в руках выписки – всего шестьдесят долларов на одном счете и сто десять на другом. Кажется, в последних бюджетных документах она не видела текущего баланса «Мидвест». Интересно, этот банк вообще еще работает?

На обратном пути пришлось смахивать с лица и волос мерзкую липкую паутину. Бекки принесла папку наверх к себе в кабинет. В коридорах тихо, все уже ушли. 18:30 – слишком поздно куда-то звонить. Все же она, затаив дыхание, набрала номер банка, указанный в какой-то древней выписке. После пяти гудков включился автоответчик:

«Спасибо, что позвонили в «Мидвест кредит юнион». Мы сейчас закрыты. Время работы с 8:30 до...»

Бекки повесила трубку.

Может быть. Может быть, это сработает.

Три недели спустя Карл представил городскому совету презентацию разработанного Бекки проекта «Резервы экономии». В разделе «лишние расходы» имелась наглядная схема; из нее было видно, сколько денег уходит на обслуживание дублирующих друг друга счетов. Карл (то есть Бекки) разработал план ревизии счетов мэрии по отдельным направлениям (фонд оплаты труда, городские ремонтные работы, служба безопасности) и бюджетным периодам (налоги, резервы, капитальное строительство). При вдумчивом подходе к выбору банков такая ревизия могла бы дать экономию от 18 до 20 % в год.

Членам совета проект понравился; сильно воодушевленными они не казались, однако разрешили бухгалтерии реализацию.

– Только не думай, что тебя тут же повысят, – сказал ей Карл.

«Переживу как-нибудь», – чуть не вырвалось у Бекки.

– Это просто оптимизация рабочего процесса, – произнесла она вслух.

– Ну да, – ответил Карл.

Оптимизация счетов стала ее прикрытием. Было ясно, что Бекки берет на себя управление банковскими счетами мэрии, и все, казалось, обрадовались, что им больше не нужно думать об этом беспорядке. Она специально выбирала самые неподходящие моменты и просила Карла подписывать все изменения: закрытие одних счетов, переименование других. Задерганный, он ворчал и вздыхал, но покорно все подписывал, особо не вникая в содержание. Так Бекки удалось добавить себя в качестве лица, обладающего правом подписи почти по всем реструктурированным счетам.

Поначалу она работала с действующими счетами в тех банках, которые все знали: «Федеральный банк», «Первый банк». Ждала, пока секретари начнут узнавать переименованные счета (им даже давали прозвища), а младшие бухгалтеры перестанут громко вздыхать и привыкнуть к изменениям (младшие бухгалтеры громко вздыхают при любых изменениях). С гордостью наблюдала, как на новые счета деньги поступают и уходят гораздо более оперативно. Странное ощущение – она наслаждалась тем, как четко работает система, в то время как сама работа уже начала казаться несущественной.

Бекки очень хотелось кому-нибудь обо всем рассказать. Чего стоят знания, полученные в колледже, если в реальном мире дела обстоят совсем иначе? Она часто вспоминала страницу из учебника на вечерних курсах «Бухгалтерский учет». Цветная схема «Целесообразные дей-

ствия» в главе «Финансовый контроль». Основной принцип – разделение обязанностей. Не должен один и тот же человек и выписывать чеки, и относить их в банк.

Один человек выписывает чеки, а другой относит их в банк.

Бекки делала и то, и другое!

В жизни все не как в теории. И зачем только люди платят за обучение?

Она все равно совмещала бы эти функции, даже если бы не «заимствовала» средства у города (Бекки никогда не использовала по отношению к себе слово «воровала»).

Она же видела подписи на старых документах. Так всегда велись дела в мэрии. Ее ли дело – поднять руку и сказать: «Эй, постойте, нужно делать, как написано в учебнике»?

– Спустись с небес. Приве-ет! – Ингрид щелкнула пальцами у нее перед глазами. – Что берем?

Они стояли в закуской, и наконец подошла их очередь.

– Что? Ой. Э-э-э... то же, что и ты.

– Два с сарделькой и капустным салатом, пожалуйста. – Ингрид внимательно посмотрела на нее. – Что с тобой? Ты где-то витаешь.

Они расплатились, взяли еще по бокалу пива и еле нашли себе место в переполненном зале. В эту субботу Бекки вместе с Ингрид прошла по магазинам, без особого энтузиазма примеряя одежду. Размышляла, как ей запустить в работу счет в «Мидвест», чтобы Карл не знал? И не могла думать ни о чем другом. Дать документы на подпись Карлу, как и по всем другим счетам? А вдруг он обратит внимание – какой-то непонятный банк, и тут же возникнут вопросы: работает ли «Мидвест» и почему у них там все еще открыт счет?

Также предстояло решить вопрос с почтой. Бекки целую неделю рылась в коробках с почтой в офисе, притворяясь, будто изучает какие-то бумаги. Следовало выяснить, почему ей раньше не попадалась ни одна выписка из «Мидвеста». Курьер привез дневную почту около 11 часов, с шумом выгрузил ее в коридоре на первом этаже. Секретарша отнесла всю кучу наверх – не торопясь, как заметила Бекки, отсортировала по адресатам, разложила по персональным ящикам. Оставшиеся письма небрежно бросила пачкой на самую нижнюю полку: Бекки раньше туда не заглядывала. Как только секретарша ушла, она принялась за дело.

«Вернуть отправителю». «Ошибочный адрес». «Адресат выбыл». «Перенаправить». Горы писем, адресованных сотрудникам, которые уже несколько лет у них не работали. Журналы без конкретного адресата, каталоги офисной продукции, рекламные проспекты и... банковские выписки. Та-ак. Она вытащила конверт с уродливым старым логотипом «Мидвест»; на конверте напечатано: «Мистеру Теодору Риду, финансовый отдел». Насколько Бекки знала, Тед Рид ушел из мэрии в семидесятых. И у них никогда не было отдельного финансового отдела. Неудивительно, что все это потерялось. Секретарши, наверное, годами сбрасывали такие конверты в ящик для мусора!

– О-о, как жжет, – сказала Ингрид, подбирая остатки солено-перченых чипсов. – Я их ненавижу-обожаю... или обожаю-ненавижу.

– Кошмар, – машинально произнесла Бекки.

– И не говори. Хочешь, выпьем кофе в кондитерской?

– Некогда. Ты меня не подбросишь кое-куда?

– Конечно, подброшу, только еще в пару мест заедем, ладно? – Ингрид любила развезжать с Бекки по городу, покупать продукты и прочее. Особенно ей нравились распродажи.

– Пора мне уже выбраться из этого дома, – говорила она, имея в виду дом своих родителей. Хотя не предпринимала никаких шагов, чтобы жить отдельно, поэтому Бекки считала – они вовсе не сводят ее с ума, что бы ни утверждала Ингрид.

Они еще немного поколесили по городу. Бекки ожидала в машине, пока Ингрид заходила в аптеку или в книжный магазин. Когда заехали в автосервис поменять масло, Бекки вдруг заметила на приборной панели пачку конвертов, перетянутую резинкой, и рекламный буклетик «Деревенская еда».

– Что это?

– Письма для моих родителей. Я тебе не рассказывала? Их просто засыпают рекламой и всяческим дерьмом. Домашний ящик вечно переполнен. Я устроила так, чтобы письма шли как «до востребования». Раз в неделю забираю.

Ингрид смотрелась в зеркало заднего вида; то надевала солнечные очки, то сдвигала их вверх на волосы.

– Там, наверное, уже штук сорок.

– То есть вы арендуете абонентский ящик?

– Есть более дешевый способ – надо попросить на почте, чтобы повременили с доставкой, хотя бы на неделю. А мне по субботам плюс одно дело – заехать туда и забрать.

Так. Бекки притворилась, что ее интересует рецепт месяца «Картофельные котлеты» в «Деревенской еде», и снова принялась размышлять. Ингрид предложила выпить по молочному коктейлю, Бекки не отказалась.

На следующей неделе Бекки перехватила почтальоншу у входа.

– Я заберу, – весело сказала она и извлекала из раздутой почтальонской сумки охапку корреспонденции. – Все равно туда идти.

На следующий день изобразила перекур, стоя возле уличной пепельницы, и сделала то же самое. Почтальонша не возражала – а зачем?

На пятый раз, когда Бекки забирала почту до того, как она попадет в руки секретарши, почтальонша спросила: «Что, поменялся порядок? Или какие-то проблемы?»

– Нет, – ответила Бекки. – Просто мне нравится каждое утро начинать с баланса. Я без задержки получаю бумаги и, как только увижу Карла, сразу смогу сообщить ему... – Она начала подробно описывать разнообразные бухгалтерские задачи, включая переход к новой системе работы с банками. Почтальонша даже вздрогнула – столько лишней информации, и Бекки прощбетала:

– Все в порядке. Так ведь гораздо проще – и мне, и вам.

Бекки Фаруэлл, вьедливая зануда, теперь решила первой получать почту. Как она и предполагала, слух об этом распространился по офису, вызвав небольшое раздражение и насмешки, однако вскоре все привыкли, как обычно и происходит с такими вещами. Наверное, можно получать прежде всех и корреспонденцию всей мэрии (что Бекки и сделала в дальнейшем). А пока что она забирала почту бухгалтерии, в том числе адресованные ей банковские выписки. Включая те, что поступали от недавно переименованного «Мидвест кредит юнион»; теперь он назывался «Кэпитал девелопмент». Они начали приходить в мэрию в сентябре 1987 года.

Филиал бывшего «Мидвеста» в Грантфорде, в двадцати минутах езды от Пирсона, представлял собой довольно большое одноэтажное кирпичное здание, изуродованное новым декоративным фасадом с гипсовыми колоннами и уличными часами огромного размера. Бекки стояла у входа, вспотев под жарким утренним солнцем на исходе лета, и ждала, когда банк откроется. Внутри находилось несколько сотрудников; наконец один из них подошел к выходу, повесил табличку «Открыто» и распахнул тяжелую стеклянную дверь.

– Доброе утро!

– Доброе утро. – Бекки нервничала и оттого говорила быстро и резко. Внутри работал кондиционер, и все же ее лицо и шея оставались красными. Она была здесь впервые, но никто бы этого не заподозрил – так решительно Бекки направилась к кассиру за стойкой.

– Мне нужно внести депозит, – сказала она, – на муниципальный счет, который мы недавно... Да. Вот.

Кассир, приятный круглолицый мужчина лет пятидесяти, взял ее чеки. Бекки склонилась над бланком для депозита; шариковая ручка плохо писала, приходилось сильно надавливать. Не произнесла ни слова, пока кассир медленно, очень медленно проверял каждый документ. Даже краем глаза не взглянула, как он их рассматривает, зная каждый наизусть: страховка, платеж строительной компании, а один Бекки написала сама: перевод со счета управления водными ресурсами в «Федеральном банке». Итого три тысячи двести двадцать три доллара. 3223. Ей нравилось симметричное число, отчасти поэтому она и выбрала такую сумму для своего первого депозита.

Кассир взял у Бекки бланк, сравнил с чеками. Повернулся к монитору, надел очки и начал вводить данные. К этому времени в банке появилось еще несколько клиентов, два человека встали в очередь за Бекки. По затылку у нее стекала струйка пота... Ничего, потом вытрет.

Все завершилось гораздо быстрее, чем она ожидала. Кассир коротко улыбнулся, кивнул и отдал ей квитанцию со штампом. Бекки повернулась, чтобы уйти; в этот момент ей показалось – сейчас она потеряет сознание.

– Минуточку... Извините! – окликнул кассир.

Мужчина, стоящий сзади в очереди, глянул на нее осуждающе. Бекки не могла выдать из себя ни слова.

– Вы же из Пирсона, да? – обратился к ней кассир. Господи, какой у него громкий голос. Бекки кивнула.

– У вас еще проводится «Праздник петуний»? Моя жена руководит клубом садоводов, у нее только и разговоров, что об этом празднике.

– По-моему, да, – кашлянув, произнесла Бекки. – Обычно в первые или вторые выходные мая.

– Буду знать, – сказал он. – Может, получится посмотреть турнир по гольфу в вашем лучшем пабе.

Она помахала ему рукой и уверенно вышла на улицу. Глубоко вздохнула, задержала дыхание и стукнула кулаком по бедру.

Получилось!

Глава 8

Чикаго

1987

4 декабря 1987 года на счету в «Кэпитал девелопмент» было сорок две тысячи долларов. Бекки приехала в Чикаго, вошла в огромный торговый зал «Мерчендайз март» ровно в 10 часов утра в день открытия художественной выставки; в сумочке у нее лежала новенькая чековая книжка, две ручки, удостоверение личности и губная помада «абрикосовая мечта».

Международная художественная выставка (Бекки называла ее «экспо») должна продлиться три дня – продажа и покупка произведений современного искусства, работа различных комиссий и собственно выставка. Бекки интересовалась только продажей. Она сказала Карлу, что в пятницу ей нужен свободный день – уладить кое-какие дела, и полночи не спала, раздумывая, что же туда надеть. Посоветоваться бы с Ингрид!.. В конце концов она остановилась на классическом комплекте – черная юбка-карандаш, облегающая бедра, и шелковая блузка с бантом. Немного экстравагантности добавляли туфли на высоком каблуке расцветки «зебра», купленные в Рокфорде. Волосы – после долгих сомнений – собрала сзади в пучок с шиньоном (чуть более нарядная версия прически, которую они с Ингрид делали, когда ходили на балет).

Что касается верхней одежды... По погоде требовалось пальто, и выбирать было не из чего: у нее имелось единственное пальто, темно-синее, с капюшоном, подбитое ватином. Будь Бекки даже на пару дюймов выше, все равно выглядела бы в нем карликом; она очень жалела об этой прошлогодней покупке, но не приобрела ничего другого. Стояла в очереди в гардероб и держала свое объемное пальто под мышкой, как мешок с грязным бельем; щеки пылали. Освободившись от него, сразу почувствовала себя другой.

Бекки ненадолго остановилась у входа в главный зал; в боку немного покалывало. На пространстве размером с футбольное поле располагались сотни импровизированных демонстрационных площадок, отделенных друг от друга перегородками; возле каждой – флажок с названием галереи и города. Проходы между ними разветвлялись и заканчивались такими же площадками или упирались в стену. Картины висели внутри и снаружи стен-перегородок каждой маленькой галереи, так близко друг к другу, что трудно было различить, где чьи картины. Люди ходили по проходам, путались, сворачивали не туда и через некоторое время оказывались на противоположной стороне зала. Бекки вспомнила гигантский кукурузный лабиринт в Тигпене и тут же одернула себя – надо завязывать с такими ассоциациями. Никто не должен заподозрить, что она из небольшого провинциального городка.

Высоко над множеством мини-галерей и гудящей толпой виднелись стальные перекрытия. Бекки посмотрела на большую гориллу, сделанную из тысяч блестящих бусинок; она висела на балке под самым потолком-куполom и медленно вращалась. Огромная и нелепая, безмятежно парила над людским муравейником. Казалось, никто, кроме Бекки, ее не замечал.

Бекки крепче прижала к себе сумочку и направилась к отсеку номер 131 – нью-йоркская галерея Феррамини. Она три недели изучала каталог выставки и знала, что они привезут несколько картин Эрика Фишля. Бекки собиралась купить одну из них – у нее еще не было картин, написанных знаменитыми художниками. Работа Фишля должна стать первой такой покупкой. Бекки послала воздушный поцелуй парящей наверху горилле – пусть принесет ей удачу.

Да, на стене у Феррамини висели три полотна Эрика Фишля. Картины здесь, отлично, нужно действовать дальше – это же только первый шаг. Сотни раз мысленно покупая картину, она не предполагала, что вокруг будет так много любителей искусства. В каждом закутке толпились люди (шум, толкотня), не спеша рассматривали картины и заслоняли их – а Бекки

еще не выбрала, какую работу Фишля заберет домой. Она старалась держаться поближе к двум продавцам – или помощникам? как их называют? – к бледной худощавой женщине в платье с воротничком-стойкой и симпатичному темнокожему парню. Бекки старалась протиснуться вперед к картинам Фишля и еле сдерживалась, чтобы не подпрыгнуть или не встать на цыпочки.

– У вас есть прайс-лист? – произнесла она громче, чем хотела. Она вычитала эту фразу в «ArtNews». Или сначала нужно спросить: «Работы не проданы?» Черт, уже поздно.

Парень протянул ей кожаную папку, в каких подают меню. Цены намного выше, чем ожидала Бекки, но все же в пределах ее депозита в «Кэпитал девелопмент». Так ли уж нравятся ей именно эти картины? Ну... если честно – нет. Впрочем, не важно. Просто стратегическая покупка – как вложение. Она много читала о Фишле. Его картина – именно то, что ей нужно, у искусства тоже есть «голубые фишки» – они всегда будут в цене.

Парень отвлекся на кого-то другого, и Бекки подошла к тощей женщине, которая внимательно слушала пожилую пару в одинаковых очках. Они, перебивая друг друга, рассказывали какую-то длинную историю. Наконец женщина заметила, что ее хотят о чем-то спросить, сделала супругам знак: «Извините» – и дежурно улыбнулась Бекки.

– Вам помочь?

– Да. Я хочу купить картину Эрика... – Бекки не стала произносить фамилию, указала на стену. – Средняя. Я имею в виду – среднего размера.

Галеристка улыбнулась ей широкой, довольной улыбкой. Как будто Бекки похвалила ее серьги.

– Одну минуту. – Она повернулась к пожилым супругам, и они тут же продолжили свою историю. Бекки немного растерялась. Что такое? В ее мечтах слова «Я хочу купить» вызывали волну возбуждения и почтения. Она переминалась с ноги на ногу, не понимая – нужно подождать, пока они закончат разговор? Или подойти и потребовать? Разве ей не должны дать заполнить какие-то документы? Или хотя бы предложить чашку кофе? Моментально вспотев и смутившись, она почувствовала себя так, будто стоит здесь, посреди зала, в своем дурацком пальто.

Наконец женщина расцеловалась со своими собеседниками и с улыбкой смотрела им вслед, пока они медленно выходили в переполненный проход. Затем повернулась к Бекки.

– Да-да, сейчас. Давайте присядем на минутку.

Бекки осторожно присела рядом с женщиной на квадратный пуф. Та представилась: Лори Левин.

– Меня интересуют небольшие либо средние...

Лори прервала ее:

– Напомните мне, где я вас видела?

– Ну, я не...

– В Берлине, на пятидесятилетие Роджера? Нет, вас там не было. Подождите, я сама вспомню... На занятиях по йоге? Не на дне рождения Биби, потому что я тогда уезжала в Милан...

– Мы не встречались, – твердо сказала Бекки. – Я хочу купить Эрика... Эрика, э-э...

– Фишля, – произнесла Лори, все еще размышляя. – В прошлом месяце у Ларри, да? Или на Форуме искусств... о, еда у них просто кошмар! Помню, Эрик с Эйприл сразу после этого пошли в ресторан.

Бекки молчала.

– Вы местная? Из Чикаго? Вас нет в списке наших клиентов. Фаруэлл. Фару-элл...

Список клиентов?.. До Бекки начало доходить.

– Это все забронировано, на несколько месяцев. Для коллекционеров. Понимаете?

– Вы имеете в виду... все три картины? Но в каталоге не было никакой пометки.

Лори с широкой улыбкой коснулась колена Бекки и, подавая знак своему коллеге, произнесла:

– Трей может добавить вас в список рассылки. Очень рада, что вы нас посетили.

Момент ускользал, Бекки запаниковала.

– А сколько, ммм... По какой цене ее забронировали?

Лори удивленно взглянула на нее.

– Я могу предложить на десять процентов больше, – сказала Бекки. И тут же поняла, что совершила ужасную бестактность. Даже Трей, казалось, отодвинулся от нее. Лори медленно встала с пуфа и направилась навстречу другим посетителям. Как будто лучшее, что можно сделать в такой ситуации, это поскорее обо всем забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.